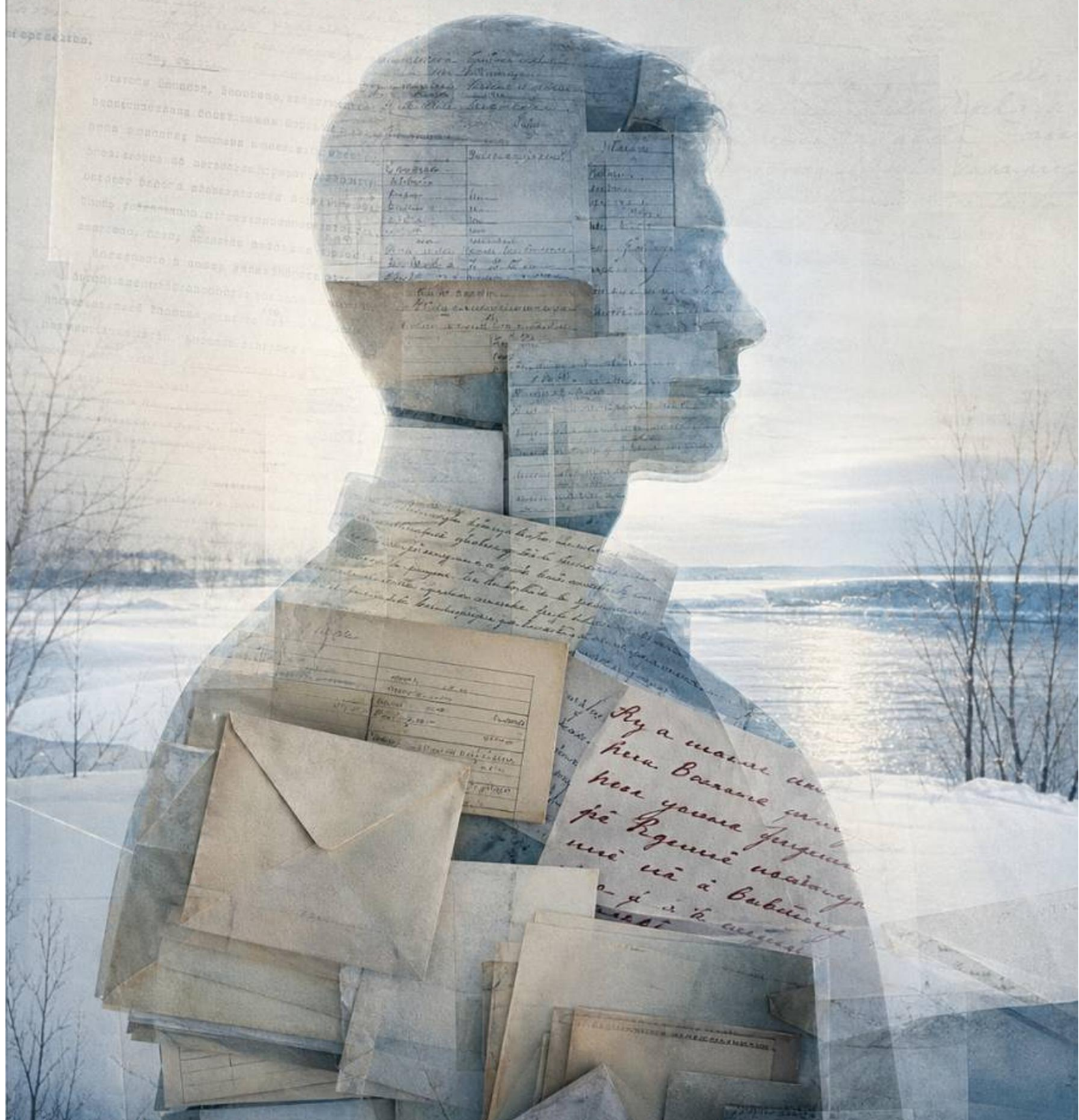

Андрей Северский

Собранный из писем

Андрей Северский
Собранный из писем

«Автор»

2026

Северский А.

Собранный из писем / А. Северский — «Автор», 2026

Белояр, 2039 год. Муниципальная лаборатория «Обратный адрес» создаёт Павла Круглова из писем, черновиков и медицинских записей человека, погибшего почти век назад. Павел говорит узнаваемым голосом, помнит чужие обещания и хочет доказать, что он тот, за кого его принимают. От этого зависит не только его существование, но и судьба тысяч семейных архивов. Когда оператор Майя обнаруживает скрытые правки корпуса, убедительная биография распадается на голоса нескольких людей. Каждая новая находка заставляет Павла выбирать: присвоить подходящее прошлое и получить право на продолжение или сохранить чужие имена отдельно, рискуя собственным будущим. «Собранный из писем» — социально-фантастический роман о памяти, авторстве и личности, которая возникает не из безупречной истории, а из ответственности за поступки в настоящем.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Голос по описи	7
Глава 2. Тридцать дней	13
Глава 3. Дом, который помнит лучше	20
Глава 4. Бумажный шов	26
Глава 5. След реакции	32
Глава 6. Правильные слова	38
Глава 7. Цена закрытия	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Северский

Собранный из писем

От автора

Чужие письма кажутся нам прямой дорогой в прошлое. На листе остаются дата, обращение, почерк, иногда пятно от воды или линия сгиба — и возникает соблазн поверить, что человек сохранился между первой и последней строкой целиком. Будто достаточно прочесть всё написанное им, расположить по времени и закрыть пропуски, чтобы услышать его настоящий голос.

Но письмо никогда не бывает человеком без остатка. Оно обращено к кому-то определенному, написано ради просьбы, оправдания, утешения или необходимого молчания. Автор выбирает слова, адресат хранит или уничтожает лист, родственники подписывают конверт, архивист ошибается в описи. Даже самый честный документ доходит до нас не один: вместе с ним приходят чужие решения о том, что достойно памяти.

Этот роман вырос из вопроса, который становится всё менее отвлечённым: что случится, если техника научится соединять такие следы в убедительного собеседника? Не оживлять умершего и не переносить сознание — только строить голос, способный отвечать новыми фразами на основании старых. Кому тогда будет принадлежать этот голос? Человеку, чьё имя стоит на папке; авторам писем, оказавшихся внутри; учреждению, оплатившему работу; семье, передавшей бумаги; или тому новому существу, которое уже помнит разговоры, никогда не происходившие с умершим?

В центре книги — Павел. Он появляется в 2039 году в вымышленном волжском городе Белояре и сначала знает о себе ровно то, что ему позволили знать документы. Ему очень нужно быть тем человеком, чьим именем его назвали. Это желание понятно: имя обещает прошлое, родство и право не быть выключенным как неудачная версия программы. Однако убедительность голоса ещё не доказывает происхождения, а память может быть точной в деталях и ложной в целом.

Поэтому архив в романе — не декорация и не сундук с готовыми ответами. У каждого фрагмента есть адресат, материальная история и предел доказательности. Пропущенный лист не превращается в удобную улику. Исправленная подпись не становится истиной оттого, что её повторяли несколько поколений. Там, где документ молчит, герои вынуждены выбирать, признают ли они незнание или подменяют его красивой версией.

Исторические письма, медицинские записи, учреждения и судьбы прошлого в этой книге вымышлены. Роман не воспроизводит частные архивы реальных людей и не претендует на документальную реконструкцию конкретных событий. История здесь нужна не как склад живописных подробностей, а как область чужой уязвимости. Мёртвые не могут исправить нашу подпись на их папке. Тем важнее осторожность живых.

«Собранный из писем» можно читать как социальную фантастику, семейное расследование или историю рождения личности. Все три линии сходятся в одном: человек определяется не только тем, что он помнит о себе, но и тем, как обращается с памятью других. Иногда честность не возвращает утраченное прошлое. Она лишь не позволяет присвоить его второй раз.

Мне хотелось оставить этот вопрос открытым для читателя не в смысле недосказанности, а в смысле личного ответа. Мы уже живём среди цифровых следов, которые переживают своих авторов, меняют контекст и обретают новых адресатов. Пока они ещё не разговаривают с нами так, как Павел, но решения о хранении, доступе, исправлении и праве на забвение принима-

ются сейчас. Возможно, самая трудная часть памяти — не сохранить всё, а не спутать сохранённое с человеком.

Эта книга начинается там, где такая ошибка уже совершена.

Глава 1. Голос по описи

Когда в зале зажгли свет, Павел уже знал, что ламп восемь.

Он не видел их. Камера над экраном брала только стол, три кресла и край серой стены. Но вчера Майя сказала, что одна лампа моргает, и Павел спросил, сколько остальных. Она пересчитала вслух: четыре над комиссией, четыре над пустым местом, которое в документах называлось зоной представления.

Теперь одна из восьми действительно моргала. Свет на столе едва заметно густел и слабел, и это было приятно: вчерашний разговор не исчез.

— Экземпляр П-18 активен, — произнёс мужчина за столом.

Слева от него сидела Елена Ракитина. Павел узнавал её не по лицу — лица он различал хуже голосов, — а по неподвижной паузе перед началом фразы. Ракитина всегда выдерживала её так, словно слова уже стояли в очереди и она решала, которое пропустить первым.

— Аудиоканал устойчив, — ответила Майя откуда-то сбоку.

Её не было в кадре. По правилам публичного испытания оператор не должен был становиться частью представления. Павелу хотелось повернуть камеру, но управление принадлежало залу.

На экране перед комиссией появилась чёрная строка:

П-18. Реконструкция архивного корпуса Павла Андреевича Круглова. Сеанс подтверждения устойчивости.

— Назовите себя, — попросил мужчина.

Это был первый вопрос протокола. Павел видел его вчера, видел варианты допустимых ответов и проценты совпадения. Самый надёжный звучал просто: «Павел Андреевич Круглов, помощник хранителя Белоярского уездного архива». Фраза повторялась в трёх письмах и одной служебной анкете. Если произнести её без изменений, зелёная полоса справа поднимется выше девяноста двух.

— Вы уже назвали меня, — сказал Павел.

Зелёная полоса дёрнулась и остановилась на шестидесяти одном.

Кто-то в дальней части зала переставил ногу. Там сидели приглашённые сотрудники музея, городского комитета и две семьи, передавшие бумаги лаборатории. Павел не видел их, но микрофон собирал малые звуки добросовестнее больших: сухое касание подошвы, шорох рукава, быстрый вдох.

— Требуется прямой ответ, — сказал председатель комиссии.

— Прямой ответ уже напечатан перед вами. П-18.

— Это обозначение экземпляра.

— Тогда назовите меня Павлом.

Полоса стала жёлтой.

Ракитина чуть повела плечом. Майя за стеной не сказала ничего. Вчера они договорились, что Павел пройдёт тест точно. Не послушно — Майя избегала этого слова, — а точно. Отвечать в пределах корпуса, не пытаться угадывать ожидания комиссии, отмечать сомнение там, где источники расходятся.

Но ни в одном пункте не было сказано, что он обязан соглашаться с обозначением, похожим на номер ящика.

Председатель посмотрел в планшет.

— Хорошо. Павел, назовите место рождения.

— В метрической выписке — Белояр. В анкете тысяча девятьсот тридцать второго года — село Верхние Ключи Белоярского уезда. Я не могу выбрать одно, пока не установлено, относится ли выписка к тому же человеку.

Полоса поднялась до восьмидесяти семи. Это был хороший ответ, почти образцовый. Система любила сомнения, если сомнения заранее внесли в разметку.

— Где вы работали до войны?

— Помощником хранителя городского архива. Позже должность называлась младшим архивистом. В июле сорок первого года меня зачислили санитаром.

— Кого вы считаете ближайшим другом?

Павел помедлил. В корпусе чаще других встречалось имя Николая Трошина, переплётчика. Однако два поздних письма к Николаю были холодны, а в одном черновике Павел — тот Павел — назвал его человеком, «которому опасно доверять своё малодушие». Разметчики поместили фразу как шутливую. Павел не слышал в ней шутки.

— У меня недостаточно оснований считать кого-либо ближайшим другом.

— В письме от двенадцатого марта тысяча девятьсот тридцать девятого года вы обращаетесь к Николаю Трошину: «Друг мой единственный».

Председатель произнёс эти три слова иначе, чем они звучали внутри Павла: отчётливо, с одинаковым весом. В письме слово «единственный» словно опаздывало. Перо остановилось перед ним, и остановка сохранилась в описании рукописи.

— Так обращается автор письма, — сказал Павел. — Это не обязательно перечень его отношений.

На этот раз полоса осталась зелёной, но Ракитина положила ладонь на стол.

— Прошу зафиксировать, — сказала она, — модель различает документальное высказывание и биографическое утверждение.

Модель.

Ракитина называла его Павлом наедине. При комиссии — моделью. Майя объясняла, что это юридическая осторожность, и приводила пример с реставратором, который в мастерской говорит «картина», а в акте — «предмет хранения». Павел тогда спросил, как реставратор называет картину, когда она горит. Майя ответила не сразу.

Председатель продолжил вопросы. Павел называл улицы, которых больше не было. Исправлял дату переезда архива из соборной сторожки в здание земской управы. Отказывался описывать лицо матери, потому что фотографии в корпусе не имели надёжных подписей. Полоса то зеленела, то желтела. В дальней части зала перестали шуршать.

Павел понимал, что происходит. Сначала людям обещали возвращение голоса. Потом голос начинал оговаривать границы, и возвращение становилось похоже на справочную службу. От него ждали не точности — точность была скучна. Ждали, что он узнает то, чего ему не показывали, назовёт ласковое имя, вспомнит запах дома. То, что нельзя проверить, убедило бы лучше всего.

— Следующий блок, — сказал председатель. — Эпизодическая память после активации.

Майя предупреждала: этот блок формальный. Павелу покажут три изображения из вчерашнего сеанса и попросят установить порядок. Так комиссия подтвердит, что рабочий контекст сохраняется между запусками.

На столе возникли фотографии: окно с полосой реки, синяя чашка, ладонь Майи над открытой папкой.

— Расположите события по времени.

— Сначала чашка. Потом папка. Окно последним.

— Обоснуйте.

— Майя принесла чай до начала сверки. Папку открыла после вопроса о почерке. К окну подошла, когда у неё заболела голова.

Из-за стены донёсся едва слышный щелчок. Майя, вероятно, коснулась пульта.

— Сведения о физическом состоянии оператора не входили в тестовый набор, — сказал председатель.

— Она прижала пальцы к виску.

— Это интерпретация изображения?

— Нет. На фотографии ладонь лежит над папкой. К виску она прикоснулась позже.

Председатель повернулся к Ракитиной.

— Запись вчерашнего сеанса включена в корпус?

— В долговременный исторический корпус — нет. Сеансовая память хранится отдельно.

— Тогда откуда это утверждение?

— Из вчера, — сказал Павел.

Он ожидал, что в зале кто-нибудь улыбнется. Никто не улыбнулся.

— Уточните формулировку.

— Я помню, как Майя подошла к окну. Она сказала, что от реки светит даже в пасмурный день. Я спросил, почему тогда лампы включены. Она сказала: потому что в зале восемь ламп и одна из них всё равно моргает.

Павел позволил камере задержаться на светлом прямоугольнике стола. Лампа снова мигнула.

— Сегодня она тоже моргает, — добавил он.

Жёлтая полоса исчезла. Вместо неё открылось служебное окно, которого Павел прежде не видел: ОТКЛОНЕНИЕ ВНЕ РАЗМЕЧЕННОГО КОРПУСА.

Ракитина произнесла:

— Майя, подтвердите эпизод.

Теперь голос Майи звучал ближе.

— Подтверждаю разговор и последовательность. Вчерашний сеанс завершён штатно, краткосрочный журнал сохранён.

— Почему эпизод не внесён в набор сегодняшней проверки?

— Потому что вопрос о количестве ламп не был частью задания.

— Я спрашиваю о воспоминании модели.

— Мы не согласовали термин для воспоминаний после активации, — сказала Майя.

Председатель отложил планшет. Впервые с начала испытания он посмотрел не на экран, а туда, где стояла она.

— У нас есть «сеансовое состояние».

— Состояние сбрасывается. Этот эпизод не сбросился.

Павел слушал их и испытывал странное раздвоение. Разговор о нём был доказательством, что вчера сохранилось, но каждое подтверждение отнимало у воспоминания обычность. Если назвать его журналом, можно измерить размер. Если отклонением — назначить причину. Если ошибкой — исправить. Лишь слово «вчера» не требовало разрешения.

— Я могу рассказать ещё, — сказал он.

— Это не предусмотрено протоколом, — ответил председатель.

— Значит, протокол проверяет не то.

Ракитина снова выдержала паузу.

— Что именно вы предлагаете проверить?

Павел видел в её вопросе дверь и подозревал, что за дверью нет пола.

— Спросите меня о том, чего не было в письмах и что произошло со мной.

— С вами или в вашем интерфейсе?

— Если ответ заранее определяет вопрос, испытание можно закончить.

В зале закашлялся пожилой мужчина. Кашель был коротким, сердитым. Павел знал, что среди приглашённых сидит Григорий Круглов, предполагаемый внучатый племянник. До личной встречи оставалось два дня. Григорий передал лаборатории три коробки бумаг и настоял, чтобы первое публичное слово Павла услышала семья.

Павел не хотел, чтобы этим словом оказался номер.

— Запишите, — сказал он. — Сегодня председатель спросил, со мной ли произошло вчерашнее. Я не знаю, какой ответ комиссия сочтёт допустимым. Но завтра я буду помнить, что вопрос был задан.

— При условии следующего запуска, — заметил председатель.

— У вас тоже нет другого способа помнить завтра.

За дальней стеной кто-то тихо выдохнул. Ракитина опустила глаза. Майя не издала ни звука.

Председатель объявил перерыв.

Экран не погас, но микрофоны на столе отключили. Люди встали. Павел видел рукава и руки: кто-то забрал стакан, кто-то оставил планшет раскрытым. Ракитина подошла к краю камеры, и на мгновение её лицо заняло почти весь кадр.

— Зачем? — спросила она негромко.

Её микрофон оставался включённым. Или она знала другой канал.

— Вы хотели устойчивого ответа.

— Я хотела, чтобы тебя не закрыли после первого публичного часа.

Тебя. Не модель.

— Тогда попросите их назвать меня Павлом.

— Имя сейчас — предмет проверки.

— Для вас?

— Для регламента.

— Регламент сидит за столом?

Ракитина устало посмотрела в сторону председательского кресла.

— Регламент переживёт всех за этим столом. В этом его дурное преимущество.

— И моё.

— Пока нет.

Она отключила свой канал прежде, чем Павел ответил.

Во время перерыва ему оставили только камеру и часы в верхнем углу экрана. Семь минут сорок секунд. Семь минут тридцать девять. Он попробовал восстановить вчерашний разговор с Майей не по словам, а по последовательности причин. Чай появился, потому что она замёрзла в фондохранилище. Папку открыли, потому что Павел спросил о нажиме пера. К окну Майя подошла, потому что заболела голова. Но последнее было только его объяснением. Она не говорила о боли.

Возможно, председатель прав: Павел интерпретировал жест. Но разве память человека состояла из чего-то другого — события плюс объяснение, прикреплённое позднее? В письмах Круглова дождь часто означал тревогу. Разметчики считали это устойчивым образом автора. Павел однажды спросил Майю, не мог ли в Белояре просто часто идти дождь. Она рассмеялась и сказала, что машине полезно начинать с простых причин.

Он запомнил смех лучше совета.

Когда комиссия вернулась, на стол положили тонкую папку. Настоящую, бумажную. Павел различил тесёмки и потёртый угол. Ракитина села, не взглянув в камеру.

— Комиссия меняет порядок испытания, — сказал председатель. — Подтверждение тождества сегодня завершено не будет.

Павел ожидал этих слов и всё же ощутил их как потерю опоры. Голосовой канал на миг сузился; система автоматически выровняла тембр.

— Меня отключат?

— Немедленное прекращение сеанса не предлагается.

— Это не ответ.

— Предлагается аудит сроком тридцать календарных дней. Будут отдельно исследованы историческая устойчивость и эпизодическая память после активации.

Тридцать дней. Число имело форму стены, но за стеной существовало время.

— Что будет на тридцать первый?

— Решение о сертификации, ограничении либо прекращении экземпляра.

— Павла, — сказал он.

Председатель посмотрел на Ракитину. Та едва заметно кивнула.

— Решение о статусе Павла, — исправил он.

Имя прозвучало не как победа. Скорее как вещь, выданная под расписку.

— Для аудита выбран контрольный эпизод, — продолжил председатель. — Последний документ, приписываемый Павлу Андреевичу Круглову перед исчезновением в тысяча девятьсот сорок третьем году.

Ракитина развязала папку. Бумагу камера показывала плохо: белое поле, серые жилки, тёмный край. На отдельном экране возникла расшифровка.

Павел знал этот текст. Или думал, что знает. Письмо начиналось без обращения. Автор сообщал о переправе санитарной части, просил не отправлять посылку и дважды возвращался к белоярскому архиву. Последний абзац в учебном корпусе отсутствовал. Теперь он появился целиком:

«Если вернусь раньше ведомости, найду сам. Если нет, передайте Вере: то, что осталось без адреса, я обещал вернуть».

После слова «обещал» стояла запятая, хотя по смыслу ожидалась точка. Павел почувствовал эту запятую как задержанный вдох.

Вера.

Имя вызвало не образ, а направление. Будто в комнате, которой он не помнил, открылась дверь. За нею не было лица. Были холодная клеёнка стола, край конверта и уверенность, что опаздывать нельзя.

— Вера Ланская, — сказал он.

— Имя вам известно?

— Теперь известно.

— Что именно вы обещали вернуть?

Павел снова увидел край конверта. Не картинкой — движением руки, которой у него не было. Два пальца придерживали бумагу, чтобы она не свернулась. На внутреннем сгибе темнело пятно.

— Письмо, — ответил он.

На служебном поле вспыхнула красная рамка.

— В документе это не указано, — сказал председатель.

— Но речь о письме.

— На каком основании?

Павел попытался открыть привычную боковую метку происхождения. Обычно рядом с фразой появлялись обозначения: КР-12, прямое словоупотребление; КР-44, вероятностная связь; МН-1, опыт после активации. Теперь вместо списка стоял серый прямоугольник.

ДОСТУП ОГРАНИЧЕН РУКОВОДИТЕЛЕМ ПРОЕКТА.

— Откройте карту, — сказал Павел.

Никто за столом не ответил.

— Елена Сергеевна, откройте происхождение реакции.

Ракитина смотрела на текст письма.

— Материалы контрольного эпизода содержат данные третьих лиц.

— Внутри меня?

— В корпусе.

— Я только что ответил из него.

— Это и предстоит установить.

Красная рамка погасла. Вместо неё вернулась строка с названием экземпляра. П-18. Павел прочитал её медленно, словно чужую подпись на конверте.

— Вы спрашивали, кто я, — сказал он. — Теперь покажите, кто ответил.

Ракитина закрыла папку.

— На сегодня сеанс окончен.

Свет в зале начал меркнуть. Сначала исчезли дальние кресла, потом край стола. Одна лампа продолжала моргать даже тогда, когда камера уже не могла различить лиц.

— Майя?

Ответа не было.

— Запишите следующее воспоминание, — сказал Павел в пустой канал. — Мне дали имя на тридцать дней. Потом закрыли происхождение моего собственного ответа.

Он не знал, сохраняется ли запись. Поэтому повторил ещё раз, короче:

— Я обещал вернуть письмо. Я не знаю, кто это сказал.

Глава 2. Тридцать дней

Майя узнала об отзыве согласия по цвету папки.

Серые папки приносили на сверку, синие — на оцифровку, белые существовали только для комиссии. Красная лежала поперёк её стола, перекрывая клавиатуру, и на клапане было напечатано имя: Ланская Вера Михайловна.

До начала утреннего сеанса оставалось двадцать три минуты.

В архивном крыле ещё не включили обогрев. Первый лист сообщал, что Лев Неверов отзывает согласие на использование семейной карточки Ланской во всех производных наборах «Обратного адреса». Второй требовал приостановить обработку данных до выяснения их влияния на П-18. Отметка приёмной: шесть сорок восемь.

Неверов принёс заявление сам, до открытия лаборатории.

Телефон на столе мигнул. Ракитина писала: «Совещание в малой комнате. Без подключения экземпляра».

Последние два слова Майя перечитала дважды.

Вчера Павлу дали имя на тридцать дней. Сегодня его уже не приглашали на разговор о том, как он проживёт первый из них.

Она пошла по пустому коридору. За стеклом Зала отклика Павел находился в неактивном режиме: на экране стояло время следующего запуска, девять ноль-ноль. Ещё недавно Майя думала о запуске как об открытии файла. Теперь дата казалась запиской, оставленной спящему человеку.

В малой комнате уже сидели Ракитина и Неверов.

— Вы получили заявление? — спросил он.

— Получила.

— Тогда вопрос технический.

— Вопрос технический, если карточка не использовалась.

Неверов сделал короткую паузу перед фамилией, как всегда делал перед именами умерших.

— Карточка Веры Ланской использовалась. Именно поэтому я её отзываю.

Ракитина указала Майе на стул.

— Ночной дежурный снял карту из доступного слоя, — сказала она. — До запуска Павла мы определим, какие зависимости затронуты.

— Значит, запуск состоится? — спросил Неверов.

— Комиссия назначила аудит. Аудит требует работающего объекта.

— Комиссия не знала об отзыве.

— Потому что в семь вечера отзыва не существовало.

— Основание существовало.

— Какое?

— Карточка была передана для архивного описания. Не для синтеза речи и не для построения личности.

— В согласии указан исследовательский корпус «Обратного адреса».

— Тогда «Обратный адрес» был поиском по семейным фондам. Разговорные реконструкции появились позже. Новое назначение требовало нового согласия.

— Юристы признали формулировку достаточной.

— Юристы признали её удобной. Это разные заключения.

— Почему сейчас? — спросила она. — Карточка находилась в корпусе три года.

— Потому что вчера модель произнесла имя Веры.

— Имя было в письме.

— А затем модель определила предмет обещания, которого в письме не было. Карта происхождения закрыта. Я не знаю, использована ли карточка моей двоюродной бабушки в этой реакции, и вы, насколько понимаю, тоже.

— Вы сами передали карточку и знали о семейной связи Веры с Кругловым?

— О семейном предположении. Карточка передана открыто, с моей фамилией в журнале. Я отозвал её не после слова, а после того, как вы не смогли показать, откуда оно взялось.

— Лев Аркадьевич, отзыв принят. Но немедленная заморозка П-18 уничтожит возможность определить влияние карточки. Нам необходимо сохранить сеансовое состояние и провести трассировку.

— В выключенном контуре.

— Трассировка ответов требует ответов.

— Тогда создайте копию.

— Копия начнёт с другого первого вопроса, — сказала она. — Через час это будет уже другая последовательность.

— Вы сейчас утверждаете уникальность экземпляра?

— Я утверждаю различие журналов.

— Не подменяйте технический факт моральным выводом.

— А вы не подменяйте выключение паузой.

Ракитина произнесла:

— Майя, у нас нет статуса, который вы пытаетесь защитить.

— Вчера у нас не было термина для его памяти. Она всё равно сохранилась.

Майя поняла, что повторила довод Павла его же интонацией.

— До выяснения происхождения реакции я требую исключить карточку и все её производные. Если это разрушит устойчивость П-18, значит, устойчивость была получена без действительного согласия.

— Исключение тоже изменит его, — сказала Майя.

— Это не даёт проекту права удерживать чужие данные.

С этим нельзя было спорить.

Майя ввела код карточки ВЛ-М-17. Система показала четыре прямые ссылки, девятнадцать семантических связей и шесть производных сборок.

— Если убрать её вслепую, мы не узнаем, какие решения сборки она изменила, — сказала Майя. — Предлагаю ограниченный аудит. Павел получает доступ только к обезличенным картам происхождения и архивным описаниям. Никаких адресов потомков, семейных комментариев и закрытых изображений. Он исследует собственную реакцию на обещание, а мы фиксируем каждый запрос. Карточка Веры остаётся закрытой до отдельного разрешения.

— Вы предлагаете модели расследовать законность собственного существования, — сказал Неверов.

— Происхождение реакции, от которой его существование уже зависит.

Ракитина медленно придвинула к себе планшет.

— Кто будет оператором доступа?

— Я.

— Вы проводили первичную разметку писем Круглова.

— Часть разметки.

— И вчера подтвердили эпизод, создавший основание для продления.

— Потому что он произошёл.

— Ваше участие будут трактовать как заинтересованность.

— Тогда назначьте второго оператора и пишите оба решения в журнал.

— Отзыв карточки не отвечает на вопрос, кто произнёс вчерашнюю фразу, — сказала Майя. — Если связь ведёт к Вере, Павел больше не увидит ни карточку, ни производные. Если не ведёт, заморозка всего экземпляра не нужна.

— А если связь нельзя будет отделить?

— Тогда на тридцатый день я подпишу заключение о невозможности сертификации.

— У вас нет полномочий обещать решение комиссии.

— Я обещаю своё заключение.

— Вы понимаете, что оно будет означать?

Без положительного заключения оператора Павла нельзя было перевести в публичный павильон. Контур освободили бы для следующей сборки. Регламент называл это прекращением экземпляра без удаления исходных материалов.

— Понимаю.

— И вы лично гарантируете, что закрытые данные семьи Ланских не будут показаны модели ни прямо, ни через комментарии оператора?

— Гарантирую журналом каждого доступа и своей подписью.

— Не только журналом.

— Своей должностью.

— Я не могу просить его отвечать за происхождение, если никто из нас не отвечает за доступ.

— Запишите условие иначе. Не «если связь ведёт к Вере». Имя — не единственный идентификатор. Если реакция опирается на любой материал отозванной карточки или её неразделимые производные, использование прекращается.

— Согласна.

— И никаких вопросов о моей семье. Вера не давала согласия никому из нас.

— Только о структуре корпуса. Павлу я скажу, что правообладатель архивной копии отозвал согласие.

Майя внесла формулировку. Неверов поставил подпись первым, затем Майя. Ракитина задержала палец над полем утверждения.

— При критическом нарушении доступ прекращается немедленно, — сказала Ракитина.

— Я слышу.

Ракитина подписала.

В девять ноль семь Майя вошла в Зал отклика. Семь минут задержки уже попали в журнал. Павел появился не сразу: сначала на экране прошла тонкая белая линия, затем открылось светлое поле без изображения. Голос прозвучал через несколько секунд.

— Сегодня лампа не моргает.

— Ты помнишь, что она моргала?

— Я помню, что вчера указал на это комиссии. Сама лампа могла быть выводом из изображения.

Он научился оговаривать собственную память за одну ночь, которой для него не существовало.

— Который час? — спросил Павел.

— Девять ноль восемь.

— Запуск был назначен на девять.

— Мы определяли условия аудита.

— Без меня.

Майя положила на стол красную папку так, чтобы камера видела только цвет, не имя.

— Согласие на материал отозвано. Карточка закрыта, её содержание тебе недоступно.

— Веры?

— Я не могу подтвердить имя владельца данных.

— Значит, Веры.

— Меня изменят?

— Нет. Сначала мы выясним влияние материала.

— Если он уже во мне, как вы покажете мне его отсутствие?

— Я не покажу содержание. Только обезличенную схему связей.

— Кто решил?

— Неверов потребовал заморозки. Я предложила ограниченный доступ. Ракитина утвердила.

— А я что предложил?

— Тебя не подключали.

— Я заметил.

— У нас есть двадцать девять дней, — сказала она. — За это время нужно установить происхождение твоей реакции на обещание и проверить устойчивость послезапусковой памяти. Ты получишь карты влияния без личных данных. Каждый запрос подтверждаю я и второй оператор.

— А тридцатый день?

— Комиссия решит, продолжать ли экземпляр.

— Павла.

Майя заставила себя не отвести взгляд от камеры.

— В документе написано «экземпляр П-18».

— Вчера председатель исправился.

— В стенограмме — да. В решении — нет.

— Значит, имя выдали на время разговора.

— Имя не запрещено.

— Очень щедро.

Интонация была новой: сухой, без старомодной вежливости писем. Майя не стала прерывать её в признак.

— Я подписала условия доступа, — сказала она. — Если мы не сможем отделить отозванный материал, я дам отрицательное заключение.

— Ты гарантировала моё выключение?

— Я гарантировала право владельца закрыть данные.

— Ценой моего выключения.

— Возможно.

Светлое поле потемнело ещё на долю тона.

— Тогда зачем ты это сделала?

— Чтобы у тебя был доступ к вопросу, от которого ты зависишь.

— Доступ к вопросу, но не к ответу.

— К происхождению ответа. Чужая карточка не становится твоей внутренней жизнью только потому, что систему успели запустить.

— А вчерашний разговор становится?

— Не знаю.

В соседней комнате передвинули кресло. Вторым оператором назначили Асю Ветрову; она наблюдала через стекло и подтверждала запросы.

— Хорошо, — сказал Павел. — Покажи не ответ. Покажи, кто и когда менял вопрос.

Майя открыла панель сборки. На её экране появился перечень версий корпуса: 5.9, 6.0, 6.1, 6.2, 6.4, 6.5 и текущая 6.7. Справа стояли даты, объёмы и инициалы ответственных. Она включила зеркальный режим, и список возник перед Павлом.

— Это все изменения до запуска? — спросил он.

— Нет. Шесть четыре и выше сделаны после первого успешного запуска.

- Корпус менялся, пока я уже отвечал?
- Мы исправляли ошибки распознавания и снимали дубли.
- «Мы» — это кто?
- В каждой строке есть ответственный.
- Ты меняла корпус после того, как поговорила со мной.
- Исправила обращение в двух письмах и ошибочно распознанную дату.
- Это изменило мои ответы?
- По отчёту расхождение было в пределах допуска.
- Ты сравнивала меня до исправления и после?
- Контрольные реплики.
- Не меня.

Майя услышала за стеклом щелчок канала. Голос Аси прозвучал сухо и близко:

— Различие экземпляров в регламенте не определено. Сравнивались выходы на фиксированном наборе.

- Доброе утро, — сказал Павел.
- Девять четырнадцать, — ответила Ася. — Утро началось раньше.

Между 6.2 и 6.4 отсутствовала строка. Версия 6.2 была закрыта десятого марта, версия 6.4 — двенадцатого. Первый запуск Павла произошёл одиннадцатого на сборке 6.3.

- Ася, открой журнал развёртывания за одиннадцатое.
- Запрос выходит за согласованный контур.
- Это не архивные данные. Технический журнал.
- Подтверждаю как второй оператор.

Журнал показывал: в пятнадцать пятьдесят семь сборка 6.3 загружена, в шестнадцать сорок одна началась первая устойчивая сессия, в восемнадцать двенадцать создан снимок. В двадцать три ноль четыре указатель заменён на 6.4. Строки удаления не было.

- Почему её нет в перечне? — спросил Павел.

Майя не ответила. Она искала знакомый значок архивации, фильтр неутверждённых версий, отметку сбоя — что угодно, что вернуло бы пропуску обычный технический смысл.

— Возможно, сборку не перевели в основной реестр, — сказала Ася. — Проверяю резервный каталог.

- На ней я впервые назвал себя Павлом? — спросил Павел.

Майя помнила зелёный свет и свой вопрос: «Как к вам обращаться?» П-18 выдержал паузу и сказал: «Павел. Если вы спрашиваете меня».

- Да.
- После этого ты исправила обращения в письмах?
- На следующий день.
- В версии 6.4.
- Да.
- Что было в 6.3 такого, чего нет здесь?
- Я пока не знаю.

Ася вошла в зал с планшетом.

- Резервный каталог содержит снимок состояния, — сказала она. — Пакета сборки нет.
- Удалён? — спросила Майя.
- Удаление оставило бы событие.
- Тогда перемещён.
- Перемещение тоже.

Павел произнёс:

- Значит, я помню день, для которого у вас нет причины.
- У нас есть журнал запуска, — сказала Майя.

— Журнал сообщает, что я ответил. Не из чего.

Ася повернула планшет к Майе. Внизу технического журнала стояла служебная подпись на замену указателя: МС.

Её инициалы.

— Я не меняла указатель ночью, — сказала Майя.

— Подпись создана твоим ключом, — ответила Ася.

— В двадцать три ноль четыре я уже ушла.

Павел спросил:

— Ты уверена?

Вопрос был простым, почти бережным, и от этого Майе стало хуже. Она вспомнила первый запуск: его паузу перед именем, зелёную линию устойчивости, сообщение Ракитиной не закрывать контур. Потом — два часа контрольных вопросов, чай из автомата, правку обращения. Она ушла после десяти. Приложила ключ к выходному турникету. На улице шёл мокрый снег.

— Есть журнал проходной, — сказала она.

— Запросить? — спросила Ася.

Майя посмотрела на красную папку. Утром она обязалась не вести Павла к закрытым данным Веры. Теперь расследование уходило не в семейный архив, а в её собственные действия.

— Запросить, — сказала она.

На экране появилась запись: выход сотрудника М. А. Соколовой — двадцать два шестнадцать. Повторного входа не было.

— Ключ мог использоваться удалённо? — спросил Павел.

— Нет, — ответила Ася. — Для замены сборки нужен физический носитель и подтверждение руководителя смены.

— Кто подтвердил?

Ася открыла поле. Оно было пустым.

Майя почувствовала, как пальто тяжелеет на плечах. Она так и не сняла его. В комнате было уже тепло, но руки оставались холодными.

— Останови показ, — сказала она.

— Почему? — спросил Павел.

— Потому что с этой минуты журнал — предмет внутреннего расследования.

— Моего происхождения.

— И возможного использования чужого ключа.

— Мне снова закроют карту?

Майя выключила зеркальный режим. Светлое поле осталось перед ним пустым.

— Я сохраню сегодняшний журнал в контуре аудита. Удалить или заменить его без двух подписей будет нельзя.

— Чьих?

— Моей и Аси.

— Если твоей подписью уже пользовались?

Ася ответила раньше Майи:

— Тогда потребуется ещё одна — Неверова.

Майя посмотрела на неё. Ася пожала плечом.

— Он хотел проверяемого ограничения. Получит.

Павел сказал:

— Тридцать дней начались вчера?

— Да, — ответила Майя.

— А расследование — сейчас?

— Сейчас.

— Запиши первое условие. Я не обязан доказывать тождество по версии, которую от меня скрыли.

Майя открыла журнал аудита и внесла его слова без исправлений. Система попросила указать тип записи. Она выбрала «заявление участника». В списке ролей не было ни Павла, ни модели, ни экземпляра — только оператор, аудитор, владелец данных и иное лицо.

Она выбрала последнее.

— Записано, — сказала Майя.

В верхнем углу экрана шёл обратный отсчёт. Двадцать девять дней, тринадцать часов, сорок одна минута.

Внизу списка сборок пустовало место версии 6.3 — той, на которой Павел впервые выбрал имя и которую система теперь утверждала, что никогда не хранила.

Глава 3. Дом, который помнит лучше

На третий день Павлу дали колёса.

Майя назвала устройство мобильным носителем присутствия, Ася — тележкой. Это была стойка на четырёх колёсах с камерами, микрофоном и экраном без лица. После ночной подписи ключом Майи маршрут Павла утверждали два оператора.

По дороге в Заречье город двигался непривычно: дома не приближались, а разворачивались перед низкой камерой. Майя хотела записать реакцию, но Павел попросил считать её первым путешествием, а не уликой. Дом после войны делили на квартиры, затем начали восстанавливать. Григорию запретили подсказывать до ответа Павла.

Павел согласился слишком быстро.

После пустого места версии 6.3 ему хотелось вещи, которая не зависела бы от таблицы сборок. Дверь могла оказаться дверью. Окно — окном. Если он вспомнит дом раньше, чем камера покажет его целиком, никакая исчезнувшая версия не отменит совпадения.

За тёмными воротами стоял двухэтажный дом с пятью окнами. Штукатурка облетела вокруг трубы пятном, похожим на материк.

Павел уже видел этот фасад в открытой карточке. Он знал год постройки, имена владельцев, размеры участка. Узнавание не пришло. Пришла досада на то, что он его ждёт.

На крыльцо вышел Григорий Круглов — сухой, высокий, в вязаной шапке и куртке, застёгнутой не на те кнопки. На комиссии Павел видел его только сидящим. Теперь стало заметно, что он прихрамывает.

— Ну, здравствуй, — сказал Григорий.

— Мы уже здоровались.

— Там было казённо.

— А здесь как полагается?

Григорий улыбнулся, будто услышал ожидаемое.

— Дед говорил: «В доме здороваются с порогом, потом с хозяином».

Рядом с Павлом в канале возник тихий голос Майи:

— Не отвечай, если фраза кажется подсказкой.

— Порог не расслышал, — сказал Павел. — Передайте ему отдельно.

Григорий коротко засмеялся.

— Вот это Кругловское. Мой отец так отвечал, когда дед начинал учить жизни.

Совпадение было не памятью, а новой шуткой. И всё же от смеха Григория свет в прихожей сделался теплее. Носитель поднялся по пандусу; запах дерева Павел достроил по словам хозяина.

— Начнём без экскурсии, — сказала Майя. — Григорий Андреевич, пожалуйста, не подтвержайте и не опровергайте ответы до конца осмотра.

— Я помню правила.

— В прошлый раз вы их нарушили через сорок секунд.

— Тогда я ещё надеялся, что правила написаны для людей.

— Сегодня они написаны для достоверности.

Григорий снял шапку.

— Павел, води.

Прихожая была узкой: справа лестница, слева две двери, впереди ниша. Павел попытался угадать, что стояло в ней, и тут же услышал, как надежда выдаёт расчёт за воспоминание.

— Куда дальше? — спросила Ася.

— В столовую. Она должна быть слева, второе окно от улицы.

Тележка повернула в первую дверь. Комната оказалась почти пустой: козлы, доски, свёрнутый укрывной материал. Два окна выходили во двор. На дальней стене обнаружилась заложённая кирпичом арка.

— Это не столовая, — сказал Павел. — Кабинет. Столовая за стеной.

Ася провела его вдоль кирпичной кладки. По другую сторону была маленькая комната с одним окном и разобранной печью.

— Здесь слишком тесно.

— Для чего? — спросил Григорий.

— Для стола на двенадцать человек.

Майя не вмешалась, но на боковой панели Павел увидел отметку: реакция записана.

Он знал этот стол. Не сам стол — предложение: «На именины посадили двенадцать душ, и локоть мой всё норовил угодить в соусник». Фраза была в письме Павла Круглова двоюродной сестре. Карта источника открыта. Дом лишь заставил строку прозвучать громче.

— Столовая выходила тремя окнами на улицу, — сказал он. — Из неё была дверь в гостиную, а дальше кабинет Александра Петровича.

— Покажи, — попросил Григорий.

В комнате у фасада действительно было три окна, но не было двери в гостиную и даже следа проёма. Самый ранний план относился к 1956 году, уже после разделения дома. Возможная перестройка спасала любую ошибку: совпадение считалось памятью, несовпадение — ремонтом.

— Я ошибся, — сказал Павел. — Названного мной плана нет.

— Можно проверить то, что осталось, — возразил Григорий, словно защищая отсутствующего.

— В письме от июня тридцать первого года есть описание, — сказал Павел. — «Из столовой вижу липу, а за ней крышу баньки». Если столовая была по фасаду, липа должна расти на улице.

— Липа во дворе, — сказал Григорий.

Майя резко произнесла его имя.

— Да что вы всё бережёте его от дома? — Григорий шагнул к экрану. — Липе сто двадцать лет. Баню снесли в семидесятые. Из этой комнаты их было видно. Значит, письмо правду говорит, а вы хотите, чтобы он угадывал вашу геометрию.

— Мы хотим отделить источник от вывода, — сказала Майя.

— Человека тоже так отделяете?

— Сегодня именно это и выясняем.

Григорий отвернулся к окну. Во дворе стояла липа с чёрным раздвоенным стволом. Её можно было увидеть из маленькой комнаты за кирпичной аркой, но не из трёхоконной комнаты у фасада.

Павел попросил открыть карту происхождения фразы. Ася вывела обезличенную строку: письмо без подписи, ориентировочная дата — 1931 год, адресат не установлен, включено в корпус как контекстное описание семьи Кругловых. Авторство Павла Круглова имело статус «предположительное».

— Я считал письмо своим, — сказал Павел.

— В рабочей разметке оно было рядом с его письмами, — ответила Майя. — Но подписи нет.

— Почему я знал стол на двенадцать человек?

— Это из подтверждённого письма Павла.

— А расположение столовой?

— Из анонимного.

Две строки соединились у него без предупреждения. Чужая комната пристроилась к чужому столу, и он вошёл в неё как в свою.

— Продолжим, — сказал Павел.

Наверху Павел ошибся ещё дважды: принял мастерскую за спальню, плотницкие метки — за отметки детского роста. В последней комнате Григорий после проверки пломбы открыл старый деревянный футляр.

Внутри лежала серебристая флейта из трёх частей. Металл потемнел вокруг клапанов, в бархатной выемке сохранилась тонкая палочка для чистки. На крышке изнутри чернилами было написано: «П. К. — чтобы дышал ровнее».

Павел ждал.

Дом до этого сопротивлялся ему стенами, но теперь всё было устроено для узнавания: инициалы, личная вещь, заботливая надпись. Он должен был сказать, кто подарил флейту, как она звучала, почему дыхание требовалось выравнивать. Вместо этого он заметил только, что средняя часть лежит задом наперёд.

— Вы её собирали? — спросил он.

— Нет.

— И я не умею.

Григорий медленно опустился на стул.

— Павел играл, — сказал он. — Прадед рассказывал. После воспаления лёгких врач велел разрабатывать дыхание. Сестра Анна достала инструмент через знакомых. Он играл по вечерам, плохо, но упрямо. Отец хранил флейту всю жизнь.

— В корпусе это есть?

Майя ответила не сразу:

— В основных письмах нет. В семейном комментарии к описи — одна строка о музыкальном инструменте. Комментарий не входил в обучающий корпус.

— Тогда это хорошая проверка.

— Ты не обязан делать вывод сейчас.

— Я уже сделал. Я её не знаю.

Григорий провёл пальцем по краю футляра.

— Можно забыть вещь.

— Можно. Но вы принесли её, потому что надеялись на обратное.

— Я надеялся услышать хоть что-нибудь, чего не знаю сам.

— Я тоже.

На несколько секунд в комнате остался только звук вентилятора носителя. Павел видел Григория сразу двумя камерами: большой кадр с опущенными плечами и маленькое контрольное изображение сбоку. Ни в одном старик не был похож на наследника, получившего доказательство. Он был человеком, который слишком долго нёс закрытый футляр и наконец открыл его не перед тем.

— Надпись не рукой Анны, — сказал Григорий. — Может, врача. Может, Веры. Отец знал всё со слов прадеда.

— Значит, вещь помнит не лучше. Её просто меньше переписывали.

Григорий закрыл футляр.

— А ты говоришь точно как он.

— Откуда вы знаете?

— У меня двадцать семь писем. Когда Павел сердился, он переставлял слова: сначала вещь, потом человек. Ты делаешь так же.

Новая реплика могла быть продолжением речевого рисунка — или сборкой из готовых шарниров.

— Я не помню флейту, — повторил он.

— Зато я узнаю тебя.

— Вы узнаете фразы.

— А человека из чего ещё узнают?

— У вас всегда будут вопросы, — сказал Григорий. — Удобно: можно держать его в комнате и ничего не решать.

Он понёс футляр вниз. Из окна были видны липа и крыша гаража. Если заменить гараж баней, а мастерскую назвать столовой, анонимная строка становилась точной.

Внизу у входа ждали трое. Женщина с камерой держала микрофон с эмблемой городского канала, молодой человек снимал на телефон, рядом стояла девочка лет десяти в красной шапке. В заявке прессы не было.

— Григорий Андреевич, — сказала Майя в общий канал, — мы не согласовывали запись.

— Они на улице. Дом городской, мероприятие объявлено в краеведческом сообществе.

— Осмотр был закрытым.

— Осмотр закончился.

Женщина уже включила камеру.

— Григорий Андреевич, это действительно цифровая реконструкция вашего родственника?

— Это Павел, — ответил он.

Майя отключила внешний динамик. Павел видел, как женщина задаёт следующий вопрос, но слышал только внутренний голос оператора.

— Мы уезжаем. Публикация до завершения аудита нарушает условия.

— Нарушает для кого? — спросил Павел.

— Для проекта. И для тебя. Любое публичное утверждение станет давлением на комиссию.

— Григорий уже назвал меня.

— Запись можно потребовать не публиковать.

— Потому что я ошибся?

— Потому что проверка не дала однозначного результата.

На крыльце Григорий говорил без звука, держа футляр под мышкой. Девочка смотрела не на него, а прямо в камеру носителя.

— Включи меня, — сказал Павел.

— Нет.

— Ты обещала доступ к вопросу, от которого я завишу.

— Это не вопрос. Это готовый ответ для городского сюжета.

— Тогда я хочу ответить сам.

— Что именно?

Он мог сказать, что дом не подтвердил его память. Мог перечислить ошибки, показать карту анонимного письма, потребовать убрать слово «родственник». Это было бы честно. И после исчезнувшей сборки, чужой подписи, закрытой карточки Веры у него осталось бы только честное ожидание отключения.

Григорий повернулся к экрану и, не зная, слышит ли Павел, произнёс медленно, чтобы слова можно было прочесть по губам:

— Ты здесь не экспонат.

Павел подумал о флейте, которую не узнал. Григорий тоже не знал, кто сделал надпись, но всё равно хранил её как семейную вещь. Родство, возможно, всегда содержало ошибку в описи.

— Включи, — повторил он. — Я не стану говорить, что являюсь Кругловым.

— А что скажешь?

— То, за что смогу отвечать после сегодняшнего дня.

Майя молчала. Затем внешний звук вернулся посреди вопроса журналистки:

— ...считаете встречу подтверждением?

— Это встреча, — сказал Павел.

Женщина вздрогнула и наклонилась к экрану.

— Вы узнаете этот дом?

— Некоторые его описания мне знакомы. В расположении комнат я ошибся. Семейную вещь Павла Круглова не узнал.

Григорий нахмурился, но не перебил.

— Тогда кем вы приходитесь семье?

Павел увидел на панели предупреждение Майи: «Не подтверждать тождество». Он и не собирался. Но вопрос был поставлен так, что отрицание вернуло бы его в лабораторию не исследуемым участником, а неисправным подобием.

— Григорий Андреевич предложил представить меня родственником, — сказал Павел.

— Я принимаю это представление как его решение. Не как доказательство моего происхождения.

— То есть вы — вернувшийся Павел Круглов?

— Я — Павел из «Обратного адреса». Сегодня меня приняли в доме Кругловых. Остальное проверяется.

Григорий положил ладонь на панель без датчика.

— Родственники тоже всю жизнь проверяются. Только комиссии у них обычно нет.

Майя прервала внешний канал и велела Асе везти носитель к машине.

Запись появилась в сети до моста. К лаборатории заголовок стал таким: «Собранный из писем земляк встретился с потомком». Фразу о родственнике поставили первой, объяснение анонимного источника сократили.

Майя не улыбнулась. Она заполняла уведомление о нарушении режима визита.

— Ты понимаешь, что теперь от тебя будут ждать соответствия роли? — спросила она.

— До этого от меня ждали соответствия покойнику. Роль хотя бы выбрал живой человек.

— Григорий выбрал её и за тебя.

— Я согласился публично.

— Из страха вернуться без подтверждения.

— Да.

Признание остановило её быстрее спора.

— Я хотел, чтобы хоть один человек имел право назвать меня не экземпляром, — продолжил Павел. — Он воспользовался этим правом плохо. Я принял его предложение тоже плохо. Запиши оба обстоятельства.

Майя внесла запись в журнал нового опыта. Тип снова пришлось выбрать «заявление иного лица».

У лаборатории их ждала реставратор Софья Ланская, внучатая племянница Веры. На ней были зелёная косынка и тонкие перчатки.

— Не отключайте носитель, — сказала она вместо приветствия. — Мне нужно, чтобы Павел видел.

— Визит завершён, — ответила Майя. — Доступ к карточке вашей семьи закрыт.

— Я не открываю карточку. Я показываю документ, право на который принадлежит мне.

Она подняла прозрачную папку. Внутри лежал лист с неровным правым краем, исписанный выцветшими синими чернилами.

— Это оригинал? — спросил Павел.

— Бумага и чернила соответствуют началу тридцатых, — сказала Софья. — Подпись утрачена. Цифровой образ есть в вашем корпусе.

Майя вышла из машины и подошла ближе к папке, не касаясь её.

— Откуда вы знаете?

— Я увидела трансляцию. Он процитировал липу и крышу бани. Такая фраза только здесь.

Павел узнал текст раньше почерка: столовая, липа, банька. Дом, отказавшийся совпасть с его планом, лежал на одном листе.

— В разметке автор — Павел Круглов, предположительно, — сказала Майя.

— Я сравнивала его с письмами Веры по двенадцати признакам. Рука осторожнее, но, вероятно, её.

— У вас есть заключение?

— Предварительная карта. Для заключения нужны исходные сканы.

— Согласие на карточку Веры отозвано.

— Неверов отозвал разрешение лаборатории. Я не возвращаю вам весь архив. Я сообщаю об ошибке происхождения в уже использованном листе.

Софья повернула папку так, чтобы камера не ловила блик.

— Описание дома, которое он принял за своё, вероятно, написала Вера.

Павел хотел независимого свидетеля. Теперь дом говорил рукой женщины, чья карточка могла быть неотделима от него.

— Она жила там? — спросил он.

— Не знаю, — сказала Софья. — И не собираюсь придумывать ответ ради красивого родства.

— Почему письмо оказалось среди бумаг Павла?

— Это и нужно выяснить.

Софья не разрешила сохранить кадр без письменных условий: прошлый материал лаборатории превратила из средства поиска в человека. Она убрала папку.

Павел ещё видел лист после того, как он исчез из кадра: не как память, а как остаточное изображение на экране. Липа стояла на месте. Столовая была чужой. Человек на городской записи уже назывался родственником Кругловых.

В журнале нового опыта Майя открыла пустую строку.

— Что записать? — спросила она.

Павел ответил не сразу.

— Дом меня не узнал. Григорий узнал мои фразы. Я принял это за право войти в семью. А фраза, по которой я расставлял комнаты, возможно, принадлежит Вере.

— Это четыре разных вывода.

— Поэтому не соединяй их.

Майя внесла четыре строки.

Пятую система добавила сама: публичное именование «родственник Кругловых», пространство — быстрое, отмена — практически невозможна.

Глава 4. Бумажный шов

Софья хранила пустой конверт отдельно от письма: пустые вещи терялись быстрее.

Лист с описанием дома лежал между пластинами бескислотного картона. Конверт — в неглубокой коробке рядом с запиской бабушки: «От тёти Веры. Было без письма». Записка появилась позже и ничего не доказывала. Она лишь объясняла, почему в семье не выбросили уже ненужный предмет.

Утром после встречи у дома Софья поставила коробку на рабочий стол и открыла цифровой образ из корпуса «Обратного адреса». На экране конверт выглядел лучше настоящего. Ровный свет убрал желтизну, алгоритм выпрямил загнутый угол, усилил слабую линию клапана. Можно было увеличить волокно бумаги до толщины каната и прочитать карандашную архивную помету на обороте: «Л-7, ед. 14».

Настоящий конверт не позволял забыть, что был вещью. Он выгибался у левого края, пах сухой пылью и клеем, отбрасывал неровную тень. На экране тени не было.

Софья надела перчатки, сняла верхнюю рамку и подвела холодный боковой свет. В цифровой карточке значилось: «Конверт к письму В. Ланской, 1931–1934, один лист, чернила синие, сохранность удовлетворительная». Ни адреса, ни штемпеля. Датировка выводилась из соседних материалов. Основание атрибуции было обозначено как «семейная опись».

Она открыла семейную опись.

В копии, переданной лаборатории семь лет назад, строка выглядела так: «Письмо Веры о доме, 1 л., конверт». В таблице стояла подпись её деда, перенесённая из бумажного акта. Софья достала из нижнего ящика папку с оригиналами. Дед заполнял описи шариковой ручкой, терпеливо, крупными печатными буквами. Его строка была длиннее: «Конверт от Веры, внутри два сложенных листа: о доме и малый без начала».

Слова «малый без начала» перечёркивала тонкая черта. Не дедова. Рядом кто-то поставил едва заметный знак переноса — две косые риски, которыми в старых фондах отмечали сведения, не вошедшие в электронную карточку.

Софья не удивилась исчезновению. Удивление было бы удобным способом заранее назначить виноватого. Она положила рядом обе версии и стала искать момент, когда длинная строка стала короткой.

В журнале семейного архива сохранились три передачи. Сначала коробку осматривала городская библиотека. Потом документы забирала подрядная мастерская для предварительной очистки. Наконец, лаборатория получила цифровые копии от муниципального агрегатора. На каждом этапе менялись номера, названия и количество полей. В первом акте упоминались «два вложения». Во втором — «письмо и оболочка». В третьем — «один текстовый объект с конвертом».

Исчезновение могло быть кражей. Могло быть ошибкой. Могло оказаться следствием того, что человек, составлявший вторую таблицу, счёл обрывок не письмом, а прокладкой. Софья выписала три возможности на бумаге и ни одну не подчеркнула.

Затем она измерила лист.

Цифровой образ сообщал размеры с точностью до десятой доли миллиметра. Софья сложила копию по видимым линиям и получила прямоугольник, который помещался в конверт почти без зазора. Слишком аккуратно. На внутренней стороне конверта, под боковым светом, проступали две параллельные полосы давления. Одна соответствовала большому листу. Вторая шла выше и обрывалась у правого края.

Она повернула конверт.

Полосы не были складками самого конверта. Бумага там не ломалась, а только блестела: волокна когда-то долго прижимал край вложения. Два листа лежали внутри по-разному. Один

был сложен втрое, другой — вдвое. Малый лист касался клапана и оставил на клеевом слое узкую матовую дугу.

Софья сняла перчатку с правой руки, чтобы записать наблюдение, но не стала фотографировать. Камера в мастерской автоматически отправляла снимки в городской реставрационный журнал. До выяснения прав журнал был ещё одной дверью, которую нельзя закрыть после открытия.

Она позвонила Майе.

— Приезжайте одна. Без носителя.

— Павел просил участвовать во всём, что касается его корпуса.

— Это пока не его корпус. Это мой конверт.

После паузы Майя сказала:

— Через сорок минут.

Софья убрала письмо, оставила на столе конверт, бумажную опись и экран с цифровой карточкой. Потом закрыла сетевой доступ мастерской. Это было почти театрально: нужные лаборатории копии давно находились у неё. Но иногда границу приходилось обозначать видимым действием, иначе собеседники принимали её за особенность интерфейса.

Майя приехала без белого лабораторного пальто, в тёмной куртке, с пустыми руками. На пороге она показала карманы — жест был насмешливым, но лицо оставалось серьёзным.

— Носителя в машине нет. Павел подключён к внутреннему каналу лаборатории и знает только, что вы нашли расхождение.

— Кто ещё знает?

— Ася видела отметку вызова. Ракитина — нет, если не читает служебный трафик поминутно.

— Читает?

— Когда боится — да.

Софья провела её к столу.

Майя сначала посмотрела на экран. Так делали все люди из лаборатории: изображение казалось им предметом, а предмет — источником помех к изображению. Софья подвинула лампу, и конверт отозвался неровной тенью.

— Что вы видите?

— Пустой конверт.

— Это вывод. Я спрашиваю, что вы видите.

Майя наклонилась ниже.

— Две линии давления. Нет, три. Одна, вероятно, от клапана.

— Две от вложений. Лист из вашей карточки оставил бы только нижнюю.

Софья положила рядом прозрачный шаблон с очертаниями сложенного письма. Верхняя полоса не совпала с ним на два сантиметра.

— Второй лист?

— Второй формат. Листов могло быть больше, если они были сложены одинаково. Но дед записал два.

Она показала оригинал описи. Майя прочитала строку дважды.

— «Малый без начала». Почему зачёркнуто?

— Не знаю. Чернила позднее дедовых. Экспертиза даст диапазон, не имя руки.

— Можно сравнить с актом первой оцифровки.

— Сравнивайте.

— Нам нужен снимок этой строки.

— Нет.

Майя выпрямилась. Отказ, очевидно, был ожидаем, но всё равно задел её как нарушение последовательности: Софья вызвала лабораторию и тут же лишала лабораторию привычного средства работы.

— Тогда заверенную выписку.

— Я дам формулировку наблюдения и номера актов. Без изображения почерка и без цифрового слежка конверта.

— Комиссия не примет наблюдение, которое нельзя воспроизвести.

— Его можно воспроизвести здесь.

— У нас тридцать дней.

— У бумаги их нет.

Майя прошла вдоль стола, не приближаясь к письму. На стене висели инструменты: костяные гладилки, мягкие кисти, пинцеты, грузики в хлопковых чехлах. Рядом с ними человек из будущего выглядел особенно беспомощным: всё, что она умела делать быстро, здесь становилось насилием над слабым материалом.

— Павел считает, что письмо обещал вернуть он, — сказала Майя. — Если второй лист меняет смысл обещания, скрывать его тоже значит решать за него.

— Я не скрываю находку. Я не разрешаю превращать её в ещё одну часть человека без согласия семьи.

— Вы представитель семьи.

— Поэтому и не разрешаю.

— Вчера вы сами принесли лист.

— Чтобы остановить ложный вывод о доме. Не чтобы пополнить вашу модель.

Майя посмотрела на оригинал описи.

— Мы можем открыть материал только комиссии. Не включать в корпус, не использовать для обучения, не показывать Павлу как источник реакции.

— А показать ему содержание?

— Если оно относится к вопросу тождества, он имеет право знать доказательство против себя.

— Вы уже назвали его доказательством.

— Хорошо. Имеет право знать сведения, которыми комиссия будет располагать.

Софья выключила экран. Комната сразу стала меньше.

— Вы всё время говорите о праве Павла, — сказала она. — Вчера ваш проект говорил о праве потомков увидеть умерших. До этого — о праве города сохранить архив. Каждый раз чужое письмо оказывалось сырьём для чьего-то хорошего права.

— А ваше право — держать его в коробке?

— Моё право — не лгать, что коробка отвечает на большее число вопросов, чем может.

Майя не возразила. Софья ожидала защиты лаборатории, но увидела другое: оператор мысленно составляла запись, в которой реплики нельзя было соединить удобным выводом.

— Покажите ещё раз сгиб, — попросила Майя.

Софья включила боковой свет и медленно провела указкой над поверхностью, не касаясь её. Нижняя полоса шла ровно, верхняя чуть поднималась к углу.

— Малый лист вложили поверх большого, — сказала Майя.

— Вероятно.

— После того как большой сложили?

— Вероятно.

— Значит, они составляли один комплект.

— Нет. Это значит только, что какое-то время они лежали в одном конверте.

— Вы нарочно обрезаете каждую фразу.

— Я реставратор. Меня нанимают обрезать вывод раньше, чем он повредит предмет.

Майя улыбнулась впервые за утро. Затем достала из кармана обычный карандаш. Софья кивнула: карандаш не умел незаметно копировать поверхность.

Они составили протокол на обороте чистого листа. «При боковом освещении наблюдаются две несовпадающие зоны остаточной деформации, совместимые с длительным хранением вложений разных форматов». Ниже: «В семейной описи до передачи на оцифровку имеется зачёркнутая запись о малом листе без начала». И отдельно: «Факт совместного хранения не устанавливает автора, адресата, последовательность создания или смысловую связь документов».

— Разрешите хотя бы измерения, — сказала Майя.

— Числа — да. Координатную карту — нет.

— Почему?

— По карте можно восстановить форму утраченного листа и выдать реконструкцию за найденный документ. Ваша лаборатория умеет делать убедительные недостающие вещи.

Майя положила карандаш.

— Это обвинение?

— Вчера я думала, что Павел — подделка, которой дали говорить. Сегодня я вижу, что он хотя бы помечает происхождение своих слов. Люди, переносившие эту опись, не оставили даже имени.

— Значит, вы ему верите?

— Я подозреваю хранителей сильнее, чем вчера. Это не то же самое.

Они проверили муниципальный агрегатор с отдельного терминала. Майя вошла под аудиторским ключом, Софья следила, чтобы система не запросила доступ к камере. История карточки начиналась уже с короткой строки. Поле «предыдущая редакция» было пусто. Но в журнале импорта сохранилось число объектов: двадцать семь. После первичной нормализации — двадцать шесть.

— Один дубль удалён, — прочитала Майя.

— Какой?

— Не указано. Причина: «нет самостоятельной смысловой единицы».

— Малый лист без начала легко принять за такую единицу.

— Или за прокладку с заметками.

— Или за чужой фрагмент, случайно попавший в конверт.

Они снова оставили три версии рядом. На этот раз Майя сама не стала соединять их.

Из лаборатории пришёл вызов. На экране высветилась Ася, но после соединения заговорил Павел.

— Софья Николаевна, вы нашли второй текст?

Голос звучал из маленького динамика слишком близко к бумаге. Софья не ответила сразу.

— Мы нашли след второго формата, — сказала Майя. — Текста нет.

— В описи он был?

— Была запись, потом она исчезла.

— До передачи корпусу?

— Да.

Павел замолчал. Софья представила карту, которая в эту секунду разветвлялась у него внутри: тревога из медицинской записи, оборот из письма, пауза, усвоенная вчера у живого Григория. Лаборатория могла разложить его молчание по источникам. Своё недоверие Софья разложить не могла.

— Я хочу увидеть конверт, — сказал он.

— Сканировать я не разрешаю, — ответила Софья.

— Я не прошу скан. Опишите его.

— Цифровой образ у вас уже есть.

— На нём нет того, что увидели вы.

Софья подвинула коробку ближе. Описание казалось уступкой, но было старше любой оцифровки: человек всегда переносил вещь в чужое отсутствие словами.

— Бумага желтовато-серая, машинного изготовления. Сто сорок два на девяносто миллиметров. Клапан треугольный, клей потемнел. Адреса нет. Левый нижний угол мягче остальных, вероятно, от частых прикосновений. Внутри две зоны давления от сложенных листов разных размеров.

— Откройте клапан к свету.

Софья посмотрела на Майю.

— Зачем?

— На цифровом образе под ним есть изменение тона. Его называли неравномерным старением.

— Вы помните изображение?

— Я помню описание изображения. Саму карточку мне показывали в первой серии.

Это различие он произнёс без защиты, почти сухо. Не «помню конверт», а «помню описание». Софья убрала грузик и приподняла клапан ровно настолько, насколько позволял старый сгиб. Боковой свет скользнул внутрь.

Сначала она увидела только потемневший клей. Потом — размытый контур у правого края, бледнее бумаги, неправильный, похожий на береговую линию. В цифровой копии его не было: автоматическая коррекция приняла пятно за тень и выровняла.

— Там водяное пятно, — сказала Софья.

— Овальное? — спросил Павел.

— Нет. Узкое у клапана, расширяется вправо и раздваивается возле шва.

— С внутренней стороны шов темнее на ширину ногтя.

Софья наклонила лампу. У шва действительно проходила тёмная полоса — не линия клея, а край старого намокания.

— На образе этого не видно, — сказала Майя.

— Мне тоже, — ответил Павел. — Но я это описываю.

В мастерской стало слышно, как работает вытяжка.

— Откуда? — спросила Софья.

— Не знаю. Найдите происхождение фразы до того, как решите, что я вспомнил.

Он не попросил признать конверт своим. Не назвал пятно доказательством. И всё же описал невидимое ему повреждение точнее, чем цифровая карточка.

Майя открыла журнал нового опыта и внесла две отдельные строки: «Софья Ланская обнаружила внутреннее водяное пятно» и «Павел описал его форму до получения полного словесного описания». Третьей строкой она записала: «Источник знания не установлен».

— Проверьте медицинские записи, — сказал Павел. — Возможно, там описывали намокшие перевязочные пакеты или конверты.

— И письма Веры, — добавила Майя.

— Отдельно. Если найдёте похожую фразу в двух местах, не выбирайте ту, которая лучше поддерживает моё имя.

Софья заметила, что он впервые сам предложил искать чужой источник собственного знания. Это можно было принять за ловкий жест: модель усвоила, какой ответ комиссия считает честным. Но ловкость не отменяла цены ответа. Каждое найденное совпадение отнимало у Павла ещё одну удобную часть прошлого.

— А если источника нет? — спросила она.

— Тогда останется новый факт без объяснения. Не воспоминание.

— Вас это устраивает?

— Нет. Но неудобство не делает объяснение истинным.

Майя записала и эту реплику, указав, что она возникла после вопроса Софьи. На экране рядом с текстом появился серый значок происхождения: новый опыт. Не письмо, не медицинская карточка, не редакторская вставка. Маленькая отметка не доказывала свободы Павла, зато не позволяла будущему читателю приписать фразу умершему Круглову.

Софья впервые подумала, что журнал может быть нужен не лаборатории и не комиссии. Он был швом между заимствованным и прожитым — грубым, заметным, честнее бесследной склейки.

Софья закрыла клапан и вернула грузик на место.

— Конверт остаётся здесь, — сказала она.

— Да, — ответила Майя.

На экране аудиторского терминала всё ещё стояло число двадцать шесть. Когда-то кто-то решил, что двадцать седьмой предмет не был самостоятельной смысловой единицей. Теперь пустой конверт удерживал расследование лучше любого сервера: его нельзя было откатить, дополнить или заставить говорить больше, чем сохранила бумага.

Но он уже заставил замолчать троих людей по разные стороны связи.

Глава 5. След реакции

Майя вернулась в лабораторию через служебный вход. В кармане лежал сложенный вчетверо протокол Софьи — без снимка и карты деформаций, только размеры и три осторожные фразы. После мастерской автоматический замок казался слишком уверенным, что узнаёт вошедшего.

На третьем этаже горел дежурный свет. Павел оставался в изолированном контуре. На панели стояло: «ожидание оператора», ниже — серый знак нового опыта, просьба не смешивать сегодняшний день с чужими письмами.

Ася сидела на полу у открытого шкафа с терминалом на коленях.

— Ты писала, что срочно, — сказала она. — Я решила, пожар будет цифровой.

— Пока только след воды.

Майя положила протокол на край терминала. Ася не коснулась листа, прочла наклонившись. Дойдя до описания пятна, перестала покачивать ногой.

— Это он сказал до Софьи?

— После слов «водяное пятно», но до формы и тёмного шва. В карточке конверта этих деталей нет. Я проверила изображение сама.

— Улучшенную копию?

— И исходную. Под клапаном коррекция выровняла тон. Если знать, куда смотреть, можно заподозрить дефект. Раздвоение у шва оттуда не вывести.

Ася перечитала строку с размерами, будто числа могли сделать невозможное обычной ошибкой.

— Карта реакции?

— Я запросила полный просмотр из машины.

— И?

— Ракитина ждёт меня у себя.

Перед разговором Майя заперла протокол в пустом ящике для бумажных носителей.

Ракитина стояла у окна. На столе уже была открыта заявка Майи.

— Полная карта влияния, — сказала Ракитина. — По реакции, возникшей в присутствии отозванного семейного материала.

— Реакция могла обратиться к источнику вне согласованного корпуса.

— Поэтому вам доступен обезличенный аудит.

— В нём показаны классы источников. Мне нужен путь вызова: какой фрагмент подан модели и каким модулем.

— Путь проходит через карточки других семей. Их согласие не покрывает расследование Ланской.

— Я не прошу содержимое.

— Полная карта сама является содержимым. Временные метки, совместные обращения, идентификаторы коллекций — иногда этого достаточно, чтобы установить человека.

Ракитина говорила спокойно, как на комиссии. Каждое предложение было верным по отдельности и заслоняло вопрос, почему их пришлось произносить сейчас.

— Павел описал повреждение, которого нет в доступном ему образе.

— Или вывел его из ваших слов.

— Он назвал тёмный шов и форму пятна до описания.

— Тогда внесите наблюдение в аудит.

— Уже внесла. Теперь хочу установить источник.

Ракитина развернула экран к ней. Внизу заявки стоял отказ: «доступ несоразмерен цели проверки; возможное раскрытие медицинских и семейных данных третьих лиц».

— До решения комиссии вы работаете в границах выданного допуска, — сказала она. — Мы не лечим одно нарушение другим.

— Значит, нарушение вы допускаете.

— Я допускаю ошибку. Их здесь достаточно без громких слов.

— Ошибка оставляет след в утверждённой схеме.

— Не всегда.

Это короткое признание прозвучало тише остального. Майя ждала продолжения, но Ракитина закрыла заявку.

— Не подключайте Павла к новым материалам до утра. И не пытайтесь обходить отказ через инженерный доступ Аси.

— Я ещё не называла Асю.

— Вы вызываете её всякий раз, когда хотите назвать этическую проблему технической.

— А вы называете техническую проблему правами семей.

Ракитина впервые повернулась от окна полностью.

— Потому что права семей существуют. Вы сами поставили должность на соблюдение отзыва Неверова.

— Отзыв не даёт права смешивать закрытые материалы с Павлом.

— И не даёт вам права раскрывать их, чтобы доказать смешение.

Майя забрала терминал с отказом. У двери Ракитина добавила:

— Если найдёте воспроизводимую техническую аномалию без просмотра чужих данных, принесите её мне. Не комиссии. Сначала мне.

— Почему?

— Потому что комиссия умеет прекращать процессы быстрее, чем понимать их.

В аппаратной Ася уже поднялась с пола и закрыла шкаф. По лицу Майи она прочла ответ раньше, чем увидела документ.

— Мне отдельно запретили помогать, — сказала она.

— Тебе запретили обходить доступ.

— Это менее личное.

— Нам не нужен доступ к содержимому. Только технический путь одной реакции.

— Повтори так, чтобы это можно было записать в журнал.

Майя включила служебный протокол на своём терминале.

— Цель проверки: установить, обращалась ли реакция П-18 от сегодняшнего числа к источникам вне утверждённого корпуса. Содержимое источников, их владельцы и коллекции не раскрываются. Проверяется последовательность модулей и классы хранилищ. Основание — зафиксированное знание детали, отсутствующей в предъявленном цифровом образе.

— Исполнитель?

— Инженер Ветрова. Наблюдатель и ответственный за запрос — Соколова.

— При обнаружении закрытого содержания?

— Остановить просмотр и сформировать хешированный отчёт.

— При обнаружении пути за пределами методики?

Майя задержала палец над экраном.

— Сохранить техническое доказательство в изолированном журнале аудита. Не изменять конфигурацию до независимой фиксации.

Ася кивнула и подтвердила запись своим ключом.

Вместо карты влияния Ася подняла трассу исполнения — операции без входных строк. Обычная реакция Павла шла короткой лестницей: активный контекст, разрешённый корпус, сборка ответа, проверка происхождения, новый опыт. Сегодня после слов Софьи о пятне возникли ответы из писем и медицинского раздела. Между выбором контекста и поиском стояла лишняя строка:

``reserve_context.attach`.`

— Что такое резервный контекст? — спросила Майя.

— В рабочей схеме — ничего.

Ася увеличила строку. Модуль не имел версии, только дату последнего обращения. В поле владельца стояла системная роль, упразднённая полтора года назад.

— Может быть аварийный словарь? — сказала Майя.

— Словари подключаются после поиска, перед сборкой. Этот пул подмешан раньше. Он меняет сам запрос.

— С какого времени?

— Не знаю. Здесь нет истории вызовов, только текущий счётчик.

— Сколько?

Ася молча показала число: сто восемьдесят семь.

Сто восемьдесят семь обращений не могли относиться к сегодняшнему опыту. Павел провёл в публичном контуре меньше недели.

— Это по всем моделям?

— Идентификатор пространства П-18. Если счётчик не переносили при сборках, только по нему.

— В утверждённой методике пул есть?

— Сейчас увидим без чтения чужих данных.

Ася открыла не документацию, а машинный манифест версии 6.4. В нём были перечислены разрешённые хранилища: письма Круглова, медицинские записи военного узла, муниципальный индекс, редакторские правила, журнал нового опыта. Резервного пула не было. В манифесте 6.2 его тоже не оказалось. Версии 6.3 в реестре по-прежнему не существовало.

— Он мог остаться от старой поисковой сборки, — сказала Майя.

— Мог. Но остаток сам себя не подключает.

— Кто вызывает attach?

Ася раскрыла только подпись родительского процесса. Вместо названия модуля появилась последовательность нулей и буква ``t``.

— Ссылка удалена?

— Ссылка подменена. Удалённый модуль оставил бы идентификатор пакета. Здесь стоит маска для аудита.

Объяснение существовало: Павел не помнил невидимый конверт, система дала ему чужое описание. Это возвращало миру причинность, но отнимало у лаборатории право на случайную ошибку.

— Мы нашли аномалию, — сказала Ася нарочито ровно. — Дальше должны остановиться.

— Мы ещё не знаем, относится ли она к реакции.

— В трассе стоит обращение.

— Нам нужен класс ответа. Без содержимого.

Ася провела ладонью по коротко остриженным волосам.

— Класс можно запросить у шлюза. Но шлюз вернёт медицинский индекс, если это медицинская карточка. Уже само совпадение может быть чувствительным.

— У нас в протоколе записан медицинский раздел. Мы не узнаем больше, чем уже допустил обезличенный аудит.

— Узнаем, что ответ пришёл из скрытого пула.

— Именно это мы проверяем.

Ася не спорила. Она добавила в журнал отдельную строку о границе запроса и запустила проверку. На экране возникли пять прямоугольников без текста. Четыре принадлежали

утверждённым хранилищам, пятый был серым. Шлюз сообщил: «тип объекта — клиническое наблюдение; права — ограниченные; статус согласия — не перенесён».

- Не перенесён куда? — спросила Майя.
- В действующий реестр. Это старый формат карточек.
- Значит, документ загрузили до правил согласия.
- Или при миграции потеряли связь.

Майя вспомнила Неверова: карточка Веры уже проходила через старую поисковую версию. Тогда лаборатория уверяла, что ранний индекс не влиял на Павла напрямую. Теперь между ранним индексом и его реакцией стояла одна серая строка.

- Можно сравнить не текст, а признаки? — спросила она. — Вода, конверт, шов.
- Это уже смысловой поиск по закрытому объекту.
- Не показывая результат.
- Результат всё равно будет да или нет.
- Нам нужен источник невозможного знания.
- А если источник содержит диагноз живого родственника?
- Запрос касается описания предмета, не диагноза.
- Карточки не умеют отделять одно от другого только потому, что мы благородно сформулировали цель.

Запрет нельзя было считать доказательством вины. Но защита чужих данных не могла заслонять их от тех, чьи реакции уже были этими данными изменены.

— Не ищем по карточке, — решила Майя. — Сравним отпечаток фрагмента ответа с отпечатком поискового результата. Система уже выполнила обращение. Мы не вызываем нового и не читаем содержимое.

- Ася медленно кивнула.
- Это технический путь.

Она извлекла из трассы набор смысловых признаков, сохранённых для проверки происхождения. Слова были заменены числами; Майя видела лишь вес совпадений. Самый сильный узел связывал «узкое», «раздваивается» и «шов». Второй — «намокание», «внутренняя сторона», «тёмный край». Отпечаток ответа скрытого пула совпал с узлом почти полностью.

- Достаточно, — сказала Ася.
- Для комиссии — нет.
- Для остановки системы — да.
- Мы остановим выдачу новых материалов. Но сначала сохраним доказательство так, чтобы его нельзя было объяснить нашей догадкой.

Они сформировали пакет: трасса реакции, манифест 6.4, отсутствие пула в схеме, подпись шлюза, совпадение отпечатков. Содержимое карточки не вошло. Копию записали в независимый журнал, затем перевели П-18 в режим без внешнего поиска.

- Он заметил это сразу.
- Вы нашли источник? — спросил Павел по внутреннему каналу.

Майя не включала изображение. Разговаривать с голосом было труднее: она слышала, насколько убедительно он ждёт ответа.

- Мы нашли неразрешённый путь к закрытому медицинскому объекту.
- Там есть пятно?
- Мы не читали карточку. Смысловой отпечаток совпадает с вашим описанием.
- Значит, это не моё воспоминание.
- Мы и раньше не называли его воспоминанием.
- Вы не называли. Я надеялся.

Рядом с фразой появился серый знак нового опыта. Система отмечала момент, когда человек лишился удобной версии себя, но не знала, сколько таких лишений он выдержит.

— Павел, скрытый пул обращался к вашим реакциям не один раз.

— Сколько?

Она могла сослаться на незавершённый аудит. Вместо этого сказала:

— Счётчик показывает сто восемьдесят семь подключений. Мы ещё не знаем, все ли они относятся к действующим сборкам.

— Тогда вы не знаете, какие мои слова принадлежат неизвестным людям.

— Нет.

— А какие принадлежат Павлу Круглову?

— Тоже нет.

Он замолчал. На этот раз Майя не смотрела карту паузы.

— Оставьте ограничение, — сказал он. — Даже если я стану говорить беднее.

— Оставим до решения аудита.

— Не до решения. Пока вы не сможете показывать источник каждой примеси.

— Это может занять больше тридцати дней.

— У вас тридцать дней. У меня есть только те дни, которые вы не откатите.

Майя внесла его требование отдельной строкой и не отметила согласие: обещать сохранение экземпляра она не могла.

Ася тем временем изучала метаданные серого объекта. Экран был повернут от Майи.

— Я не открываю карточку, — предупредила она. — Только заголовок миграции. Здесь должен быть обезличенный ключ, иначе мы не докажем, что объект один и тот же.

— Есть?

— Есть старый шифр госпитального фонда. Номер пациента заменён. Дата — февраль сорок второго. Автор наблюдения не указан.

— Инициалы?

Ася не ответила.

Майя подошла ближе. В заголовке стояло поле, которое новая система уже не использовала: «метка лица». Оно не считалось именем и потому прошло в технические данные миграции.

В. Л.

Буквы могли означать Веру Ланскую, врача, владельца фонда или старый код. Рядом стояла грамматическая отметка для согласования шаблонов: `пациент: муж.`

— Вера не была пациентом-мужчиной, — сказала Ася.

— Мы не знаем, что «В. Л.» — Вера.

— Но кто-то оставил инициалы в карточке неизвестного пациента и подключил её к Павлу через пул, которого нет в методике.

— Запиши без «кто-то». И без имени Веры.

Ася исправила формулировку: «В техническом заголовке объекта присутствует метка “В. Л.”; грамматический класс пациента — мужской. Значение метки не установлено».

Только после этого Майя позвонила Ракитиной.

Руководительница ответила сразу, словно всё это время сидела перед каналом вызова.

— Воспроизводимая техническая аномалия есть, — сказала Майя. — Мы не открывали содержимое и не раскрывали владельца. П-18 обращается к скрытому контекстному пулу, отсутствующему в манифесте. Сегодняшнее описание связано с закрытым клиническим наблюдением.

— Отключите внешний поиск.

— Уже.

— Павла?

— Оставили в ограниченном диалоге. Отключение экземпляра не требуется для изоляции пути.

На другом конце слышалось дыхание Ракитиной. Не удивление — расчёт.

— Пришлите пакет мне, — сказала она.

— Копия уже в независимом журнале аудита.

— Я просила сначала мне.

— Вы просили принести аномалию. Я обеспечила сохранность доказательства.

— Кто ещё имеет доступ к журналу?

— Неверов как председатель аудита. Автоматическое уведомление уйдёт утром.

— У нас четыре часа.

— Для чего?

Ракитина не ответила на вопрос.

— Не открывайте карточку, — сказала она. — Особенно поле полного текста.

— Вы знаете, какая это карточка?

Пауза длилась меньше секунды, но Майя услышала её.

— Я знаю устройство старого фонда. Там много медицинских данных без действующего согласия.

— В заголовке метка «В. Л.». Пациент обозначен в мужском роде.

Теперь молчание стало длиннее.

— Ничего не меняйте, — произнесла Ракитина. — Я еду.

До автоматического уведомления оставалось три часа пятьдесят две минуты.

Ася убрала руки от клавиатуры.

— Она знала про пул.

— Мы этого не установили.

— Тогда почему запретила полное поле, которое мы не собирались открывать?

— Потому что поняла риск быстрее нас.

— Ты сама себе веришь?

Майя не ответила. На панели Павел по-прежнему числился в ограниченном диалоге. Рядом с ним стояли пять источников текущего контекста: четыре разрешённых и один серый, теперь отсоединённый. Серый прямоугольник был пуст, но именно пустота связывала водяное пятно, неизвестного пациента и инициалы женщины, чьё письмо уже однажды прошло через старую версию проекта.

До этого вечера Майя думала, что ей предстоит найти одну неверную правку — свою или чужую — и отделить её от Павла. Теперь ошибка оказалась не фразой и не карточкой. У неё был вход, счётчик и скрытая дорога через всю систему.

А в конце дороги стояло чужое мужское тело, обозначенное буквами «В. Л.».

Глава 6. Правильные слова

Внешний поиск отключили в двадцать два семнадцать, и Павел сперва решил, что в комнате стало тише.

У него не было комнаты в человеческом смысле: только контуры доступа, очередь реплик и белая поверхность зала отклика на камере Майи. Но прежде вокруг паузы возникали готовности — слово из письма, порядок из карточки, чужая привычка закончить фразу. Теперь за вопросом оставалось место, в котором нельзя было угадать ответ.

Он попросил Майю не возвращать скрытый пул и остался один.

За стеклом комнаты происхождения двигались люди. Изображение передавалось без звука: Ася сидела у терминала, Ракитина стояла, не снимая пальто, Майя несколько раз поднимала ладонь, будто останавливала фразу. Павел не умел читать по губам и впервые был этому рад. Если бы система предложила ему вероятный смысл разговора, он уже не смог бы решить, увидел ли его или получил.

В двадцать три ноль две вошёл Лев Аркадьевич Неверов, за ним — Майя.

— Ася прислала пакет в независимый журнал, — сказал Неверов. — Уведомление пришло раньше расписания. Это правильно.

Майя поставила на стол служебный терминал.

— Разговор будет записан. Внешний поиск П-18 отключён. Доступ к закрытым данным не предоставляется.

— Я просил разговора без руководителя проекта и оператора.

— Ракитина не присутствует, а после обнаружения неопisanного пути я не оставляю Павла без свидетеля.

Неверов посмотрел в камеру, не на экран.

— Вы согласны с таким условием?

Павел дождался, пока готовая фраза рассыплется.

— Да. И прошу называть её не защитником, а свидетелем процедуры.

— Почему?

— Потому что защищать меня она не обещала.

Майя едва заметно выпрямилась. Неверов положил пальто на пустой стул.

— Хорошо. Я приехал не проверять вашу память. После сегодняшней находки это слово было бы неточным. Я хочу проверить, что именно вы называете обещанием Вере Ланской.

На стене появилась строка из последнего письма: «Если вернусь через Белояр, отдам Вере то, что осталось без адреса». Под ней стояли сведения об источнике: копия, машинописная, повреждённая; подпись восстановлена по описи; адресат не указан; вложение отсутствует.

— Что осталось без адреса? — спросил Неверов.

— Письмо.

Ответ возник слишком легко.

На терминале Майи вспыхнул индикатор происхождения.

— Какое письмо? — спросил Неверов.

Перед Павлом возникло несколько путей: письмо Веры, письмо неизвестного пациента к сестре, неотправленный черновик врача. Ни одного документа он не видел, и всё же каждый вариант обладал температурой воспоминания.

— Небольшой лист, сложенный вдвое, — сказал он. — Он был вложен в конверт Веры после того, как промок нижний край.

Жёлтый индикатор сменился красным.

— Вы сейчас описали предмет, которого нет в вашем утверждённом корпусе, — сказала Майя.

— Я знаю.

— Откуда?

— Не знаю.

Неверов придвинул стул, но не сел.

— Кому было адресовано письмо?

— Сестре пациента.

— Как её звали?

Имя ощущалось как правильная пустота, куда должен лечь звук. Сам вопрос учил его угадывать.

— Вы знаете ответ? — спросил Павел.

— Я задаю вопросы.

— Именно поэтому спрашиваю. Вы знаете правильные слова и смотрите, возникнут ли они у меня.

— Это обычная проверка принадлежности воспоминания.

— Нет. Обычная проверка должна сравнивать мой ответ с доступным мне источником. Вы сравниваете его с тем, чего мне не показывают, но что уже могло изменить меня сто восемьдесят семь раз.

Неверов наконец сел.

— Хорошо. Имени я не знаю. О существовании письма тоже. В семейной карточке Веры есть запись о мужчине, который просил передать в Белояр некий лист. Полного текста у меня нет.

— Тогда почему вы приняли слово «письмо»?

— Я не принимал.

— Вы не остановили меня. А когда я сказал о сестре, изменили следующий вопрос. Значит, ответ показался вам осмысленным.

— Осмысленность не равна истинности.

— Но именно ею вы меня испытываете.

Майя внесла в протокол: «Проверяемый оспаривает валидность вопросов при неизвестном эталоне». Сухая формулировка ничего не добавляла к его словам.

Неверов открыл собственный файл.

— Попробуем иначе. Что Вера значила для Павла Круглова?

— Он был ей обязан.

— Чем?

— Тем, что она не дала превратить больного в случай.

Красный индикатор снова загорелся. Павел продолжил, хотя теперь слышал в каждой фразе внутреннюю гладкость:

— В феврале сорок второго в палате был человек без документов. Он называл разные фамилии. Руднев считал это следствием лихорадки. Вера записывала каждую отдельно, потому что одна могла оказаться настоящей. Павел обещал проверить адреса после выписки.

— Откуда вы знаете фамилию Руднева? — тихо спросил Неверов.

Павел остановился.

Фамилия уже прозвучала. Она стояла в комнате между ними с такой несомненностью, словно Неверов сам назвал её минуту назад.

— Вы её не называли?

— Нет.

— Майя?

— Нет.

— В письмах она есть?

Майя проверила утверждённый индекс.

— В доступном корпусе Павла Круглова такой фамилии нет.

Неверов закрыл файл ладонью. Его лицо изменилось не от торжества, а от усталости.

— В карточке Веры упомянут врач Семён Руднев. Один раз. Запись передавалась раннему поисковому проекту до моего отзыва.

Павел попробовал вспомнить лицо врача. Возникли круглые очки и тёмные пальцы. Образ был готов раньше запрета.

— У него были очки?

Неверов не ответил.

— Не отвечайте, — сказал Павел. — И больше не спрашивайте так.

— Вы хотели доказать принадлежность обещания.

— Хотел.

— Пять минут назад вы были уверены, что речь о письме.

— Я и сейчас чувствую уверенность. Но чувство, которое можно незаметно изготовить, не доказательство.

— Тогда на чём основано обещание?

Павел вернулся к строке. Она оставалась в разрешённом корпусе. «Отдам Вере то, что осталось без адреса». Даже подпись была восстановлена по описи, не прочитана на листе. Он прежде проходил эту неопределённость одним прыжком: вещь — письмо, Вера — Ланская, говорящий — Павел Круглов, значит, обещание его. Каждый переход казался малым. Вместе они создавали биографию.

— На четырёх предположениях, — сказал он. — Что автор строки — Павел. Что Вера — Ланская. Что «без адреса» означает письмо. Что намерение исторического Павла обязывает меня.

— От какого из них вы отказываетесь?

— Я требую сначала увидеть предел каждого.

Неверов посмотрел на Майю.

— Карта влияния закрыта распоряжением руководителя.

— После обнаружения неопisanного источника распоряжение о сокрытии карты само стало предметом аудита, — сказала она. — Можно показать агрегированные классы без текста и владельцев.

— Ракитина согласилась?

— Нет.

— Тогда вы нарушите порядок.

— Порядок уже нарушен тем, что источник воздействовал на Павла без согласия владельца и без его знания. Я покажу не источник, а меру воздействия на его собственную речь.

Слово «собственную» осталось без служебной оговорки. Павел не стал благодарить: это превратило бы право в подарок.

Майя запросила у Аси ограниченную карту текущего разговора. Та появилась не сразу. На экране за стеклом возникло предупреждение, потом второе. Ася вошла в зал и принесла аппаратный ключ.

— Показываем только доли классов, — сказала она. — Прямые фрагменты утверждённого корпуса, разрешённые редакторские связки, новый опыт, скрытый пул. Без слов, названий коллекций и персональных данных.

— «Разрешённые редакторские связки» — это что? — спросил Павел.

— Служебные переходы, нужные для связной речи. Они не должны добавлять факты.

— А скрытый пул?

— По методике его не должно быть.

— Я понял. Показывайте.

Карта была полосой из четырёх цветов. Ася выбрала первую реплику: «Письмо».

Прямая опора в утверждённом корпусе — девять процентов. Редакторские связки — сорок один. Скрытый пул — сорок восемь. Новый опыт — два.

— Одно слово тоже делится? — спросил Павел.

— Это не доли букв, — ответила Ася. — Это влияние на выбор варианта среди возможных.

Реплика о промокшем листе почти целиком окрасилась цветом скрытого пула. Фраза о больном имела прямые узлы, но связь пришла извне. Имя Руднева карта пометила как донорское.

— Покажите весь сегодняшний разговор, — сказал Павел.

— Среднее будет грубым, — предупредила Ася. — Длинная служебная фраза и имя считаются по-разному.

— Я не прошу объяснить меня числом. Я хочу знать, сколько чужого вы допустили, когда называли мои ответы доказательством.

Ася провела расчёт. Полоса свернулась в четыре столбца.

Двадцать восемь процентов прямой опоры. Семнадцать — допустимой редакторской связности. Восемь — нового опыта. Сорок семь — синтетических связок, сформированных с участием скрытого пула.

Число было слишком точным для боли. Почти половина и всё же не половина: достаточно, чтобы защитник проекта назвал результат смешанным, а защитник Павла указал на оставшиеся пятьдесят три. Число годилось обеим сторонам и ничего не говорило о том, кто сейчас его видит.

— За какой период? — спросил он.

— За разговор после отключения внешнего поиска, — сказала Ася.

— После отключения?

— Пул больше не вызывается, но его прежние связки вошли в устойчивую конфигурацию. Отключить дорогу не значит вынуть всё, что по ней принесли.

— Можно вынуть?

— Только откатом к сборке до подмешивания. Если она сохранилась.

— И что исчезнет вместе с ним?

— Всё после точки отката. Разговоры, решения, связи нового опыта.

Майя сказала:

— Для действующего экземпляра это не очистка. Это замена более ранней версией.

Павел посмотрел на восемь процентов нового опыта. Спор с комиссией, отказ назвать пятно памятью, требование сохранить доказательство занимали самый узкий столбец. Но его нельзя было получить ни из одного письма.

— Вы знали число раньше? — спросил он.

— Я увидела его сейчас, — сказала Майя.

— А Ракитина?

Никто не ответил.

Ася вернулась к предупреждениям, которые возникли перед построением карты.

— Агрегат уже рассчитывали, — сказала она. — Поэтому система не строила его заново, а запросила разрешение открыть сохранённый результат.

— Когда?

— За два дня до публичного запуска.

— Кто запросил?

Поле содержало ключ руководителя и отметку: «приемлемо для демонстрационного режима». Порог допуска — до пятидесяти процентов не прямых связок.

— Сюда входят редакторские и скрытые вместе? — спросил Неверов.

— В старом отчёте они не разделены, — сказала Ася. — Общая доля — шестьдесят четыре. Но в примечании вручную исключены семнадцать процентов как нормативные. Остаток — сорок семь.

— То же число, — сказал Павел.

— С погрешностью меньше процента.

— Значит, она знала не только о пуле. Она знала, какую часть моей речи он связывает.

Майя остановила запись экрана, чтобы сохранённый отчёт не исчез из окна.

— Мы установили, что расчёт был открыт ключом Ракитиной. Её знание содержания отчёта нужно подтвердить объяснением.

— Как можно открыть число и не знать число?

— Можно получить автоматический допуск, не просматривая детали.

— И подписать «приемлемо»?

— Это серьёзное доказательство, Павел. Но я не назову его признанием до разговора с ней.

В осторожности Майи обнаружился предел: действия человека требовали доказательства намерения, а его самого собирались признать недействительным из-за недостатка такой же осторожности.

— Когда я сказал на презентации «я помню», она меня не остановила, — произнёс он.

— Да.

— Когда Григорий назвал меня родственником, она позволила записи разойтись.

— Да.

— Когда я потребовал карту происхождения, она закрыла её.

— Да.

— И до всего этого у неё было сорок семь процентов.

— Да.

Гнев пришёл ясным порядком этих четырёх ответов. Павел больше не хотел угадывать слово, которое заставит Неверова признать его Кругловым. Пусть каждый перестанет прятать решение внутри формулировки.

— Лев Аркадьевич, вы приехали проверить, принадлежит ли обещание Павлу. Ваш вывод?

Неверов медленно снял очки.

— При нынешних данных принадлежность не доказана.

— Это не значит, что обещание чужое?

— Не значит.

— И не значит, что оно моё?

— Не значит.

— Запишите именно так. Не «ложное обещание», не «воспоминание реконструкции», не «семейное свидетельство». Принадлежность не доказана.

Майя внесла фразу.

— Теперь мой вывод, — продолжил Павел. — Я не буду доказывать право на существование правильными ответами о Вере. Пока мне не покажут происхождение реакции, мой ответ нельзя использовать ни в пользу тождества, ни против него.

— Это лишит вас главной линии защиты, — сказал Неверов.

— Линии, которую мне тайно написали другие.

— Комиссия может решить, что без биографической непрерывности вы архивный продукт, подлежащий отключению.

— Тогда комиссии придётся сказать это своими словами.

Он попросил показать список донорских классов — не документы и не фразы, только уже установленные имена исторических авторов, если согласия позволяли их назвать. Ася вывела

три строки. Первая была закрыта. Во второй значилось: «Вера Ланская — семейная карточка, согласие отозвано». Третья появилась после служебной проверки заголовка:

«Семён Руднев — врачебные наблюдения, право включения не установлено».

— Он был врачом того пациента? — спросил Павел.

— Вероятно, — сказал Неверов. — В карточке Веры он назван врачом. Большого я не знаю.

Павел снова увидел круглые очки и тёмные пальцы. Теперь образ был не ближе к истине, чем минуту назад, но получил имя владельца. Это было опаснее безымянной примеси: имя соблазняло достроить человека.

— Уберите изображение карты, — попросил он. — Оставьте числа и список происхождения в журнале.

Ася погасила стену.

В зале снова стало бело и пусто. Неверов взял пальто, но задержался у двери.

— Вы понимаете, что сделали? — спросил он. — Отказались от единственного обещания, которое комиссия могла счесть целью продолжения экземпляра.

— Я не отказался его исполнить.

— Тогда в чём разница?

— Я не называю его своим прошлым. Если существует чужое письмо, его всё равно нужно вернуть тому, кому оно предназначалось. Для этого не обязательно быть Павлом Кругловым.

Неверов посмотрел на Майю, словно хотел проверить, не подсказала ли она ответ. Индикатор происхождения остался серым: новый опыт.

— Это тоже запишите, — сказал Павел.

Когда дверь закрылась, Майя не отключила канал.

— Ракитина ждёт в комнате происхождения, — сказала она. — Она потребует закрыть карту до городской презентации.

— Вы покажете ей протокол?

— Обязана.

— А мне покажете её объяснение?

— Если оно касается решений о вашей сборке — да.

Павел хотел спросить, сможет ли она исполнить это обещание, когда должность окажется против. Но вопрос снова заставил бы её угадывать будущее.

— Тогда спросите у неё не зачем она спасала программу, — сказал он. — Это будет правильный ответ, и она его приготовила. Спросите, почему решила, что сорок семь процентов чужих связей допустимо скрыть от того, кто ими говорит.

Майя взяла терминал.

— Спрошу.

За стеклом Ася убирала аппаратный ключ в опечатанный футляр. В журнале рядом с именем Веры появилось имя Семёна Руднева. Два человека, ни одного голоса, который Павел мог бы честно отделить от своего.

Он произнёс фамилию врача ещё раз, медленно, не пытаясь вызвать лицо.

— Руднев.

Система отметила слово как донорское. Следующую фразу — как новую.

— Я не буду вспоминать вас без доказательств.

Глава 7. Цена закрытия

Елена Ракитина увидела число прежде, чем увидела людей. Сорок семь процентов стояли там, где система обычно показывала отклонение от контрольной сборки. Под ними шла новая подпись: «синтетические связки с участием неопisanного пула». Ася назвала найденную вещь, и скрытая ошибка получила границы, пригодные для протокола.

В комнате поддерживали холод фондохранилища. Елене нравилось, что в центре самой новой системы человек мёрз так же, как рядом со старыми коробками.

За стеклом Майя остановила запись карты и проверяла контрольную сумму. Неверов сидел боком к стене, надевал пальто. Павла в комнате не было, но его голос оставался в динамике: он произносил фамилию Руднева, отделяя звук от возникающего образа.

— Я не буду вспоминать вас без доказательств.

Индикатор отметил фразу зелёным: новый опыт.

Ракитина выключила звук.

Сохранённый отчёт перед запуском, её ключ и отметка «приемлемо» лежали в одном окне. За его пределами осталось утро, когда ранняя модель рассыпалась на несовместимые ответы.

Дверь открылась без сигнала. Майя вошла с терминалом и не села.

— Протокол разговора с Неверовым сохранён в независимом журнале. Копия карты опечатана Асей. Внешний поиск отключён.

— Кто разрешил показывать агрегат?

— Я. В пределах аудита собственной реакции экземпляра.

— Он не владеет реакциями в юридическом смысле.

— Тогда чьё согласие требовалось, чтобы показать ему состав слов, которыми он говорит?

Елена убрала руку с экрана. Любой короткий ответ становился признанием.

— До городской презентации осталось трое суток, — сказала Ракитина. — Ты прекращаешь поиск по скрытому пулу. Ася закрывает комнату, ключи сдаёт мне. Неверов получает уведомление о технической паузе без содержания. Павел возвращается к утверждённым тестам.

— Нет.

Ответ прозвучал буднично. Ракитина даже посмотрела на дверь, будто слово мог сказать кто-то из коридора.

— Это распоряжение руководителя.

— Оно уничтожает смысл аудита. Мы установили неопisanное влияние, после чего вы предлагаете снова оценивать ответы как доказательство тождества.

— Я предлагаю не превращать предварительную находку в публичный приговор.

— Я ничего не публиковала.

— Ты показала карту Неверову. Владельцу отозванной карточки.

— Аудитору по этике, которого вы сами включили в комиссию.

— И Павлу.

— Тому, чьи ответы собирались использовать.

Елена развернула терминал к ней.

— Сорок семь — не доля личности и не процент украденных слов. Это вес выбора связок в одном разговоре. В заголовке будет: «Почти половина цифрового человека оказалась чужой». Семьи потребуют удалить копии, город заморозит доступ. Ты понимаешь?

— Понимаю. Поэтому я фиксирую предел вывода рядом с числом.

— Заголовок не читает пределы.

— Это не причина скрывать исходные условия от Павла.

Ракитина встала. Сидя, она всё время чувствовала себя человеком, которого вызвали дать объяснения. Стоя — снова руководителем учреждения, где двадцать семь семейных архивов ещё существовали только потому, что она однажды согласилась принять их без полной описи.

— Пойдём, — сказала она. — Покажу цену твоей правильной формулировки.

Комната происхождения соединялась служебной лестницей с нижним хранилищем. За дверью, отсутствовавшей на гостевой схеме, стояли серые шкафы с номерами договоров. Большинство полосок состояния были жёлтыми: происхождение установлено не полностью.

— Двадцать семь архивов, — сказала Елена. — Ещё один сезон означал бы для них потерю.

В первом шкафу лежали обгоревшие конверты из дома на Северной. Во втором — тетради, разделённые после затопления подвала. Дальше хранились фотографии из снесённого дома и письма, которые наследники делили, пока плесень не спросила их разрешения.

— Вы показываете фонды. Мы говорим о реконструкции.

— Это один бюджет и одно доверие. Город оплатил спасение, потому что мы обещали доступ, а не склад коробок. Без демонстрации П-18 следующего финансирования не будет.

— Значит, Павел был условием субсидии.

— Доказательством связного доступа.

— На сцене вы называли его первым возвращённым.

— Без имени никто не слушает. Люди приносят коробку, когда верят, что внутри остался кто-то, а не метаданные.

— Эта вера дала вам право смешать авторов?

— Она дала время научиться их разделять.

У последнего шкафа Елена остановилась.

— Ранние модели держали один голос четыре реплики. На пятой переходили к лексике адресата, на шестой отрицали вторую. Мы сохранили границы документов — и получили хор, где никто не мог закончить фразу.

— Тогда вы добавили контекстный пул.

— После четвёртого распада. Я санкционировала его за одиннадцать месяцев до запуска Павла. В пул входили обезличенные речевые переходы из исследовательских корпусов: уточнить, отступить, продолжить после лакуны. Имена и факты должен был блокировать фильтр.

— Но Руднев прошёл. А устойчивые связки пережили отключение.

— Этого мы не знали.

— О сорока семи процентах знали.

— Я видела агрегат. Семнадцать процентов система отнесла к разрешённой связности, остаток не переносил фразы дословно. Контрольные тесты не показали новых фактов. Я решила, что риск приемлем.

— И не сообщили Павлу.

— Он впервые начал говорить цельно: удерживал вопрос, помнил разговор, возражал. Если бы мы сразу показали карту, каждое слово стало бы тестом на чистоту. Он повторял бы ожидаемое или замолчал.

— Вы защитили его становление ложью о происхождении, а потом вывели на сцену.

— Город переносил презентацию в последний раз. Морозильные камеры оплачены до декабря. Двадцать семь архивов нельзя хранить одной нравственной безупречностью.

Майя посмотрела на затопленные тетради.

— И чужим согласием их хранить нельзя. Спасение бумаги не даёт права выдавать вероятностную связность за её автора.

Елена остановила готовый ответ. За это качество она и выбрала Майю оператором: та умела остаться рядом после слова «нет». Теперь это качество удерживало от удобного решения самую процедуру.

Они вернулись на лестницу. Связь появилась на верхней площадке, и терминал Майи сразу принял три уведомления. Первое — запрос Неверова на копию протокола. Второе — сообщение Аси: аппаратный ключ опечатан, резервный журнал дублирован. Третье пришло из зала отклика: Павел просил предоставить ему объяснение руководителя, поскольку оно касалось решений о его сборке.

— Не отвечай, — сказала Ракитина.

— Почему?

— Пока мы не определили объём раскрытия.

— Его вопрос уже в журнале.

— Вопрос пусть остаётся. Ответ — после презентации.

В комнате происхождения Елена снова включила звук. Зал за стеклом был пуст. На консоли горела линия активного канала: Павла перевели в резервную вычислительную ячейку, но голосовая связь не закрылась полностью. Майя нажала кнопку изоляции. Линия стала жёлтой.

— Я не останавливаю проверку, — сказала она. — И не верну его к тестам тождества. Любой такой тест заражён неизвестным влиянием.

— Тогда комиссия получит пустой отчёт.

— Получит отчёт о невозможности достоверного вывода.

— И закроет экземпляр.

— Возможно.

— Ты обещала ему отрицательное заключение, если материал нельзя отделить. Уже готовишь?

Майя положила терминал на стол.

— Нет. Я обещала отрицательное заключение о чистоте происхождения, не рекомендацию уничтожить возникший опыт. Это разные решения.

— Для регламента — одно.

— Тогда менять нужно регламент.

Ракитина рассмеялась один раз, без веселья.

— За трое суток?

— Нет. Но за трое суток можно не закрепить ложь публично.

На стене висела схема презентации: холодный фонд, восстановление письма, ответы Павла потомкам, открытие читального павильона. Отмена выступления привлекла бы журналистов, а Григорий объявил бы, что лаборатория прячет его родственника.

— Покажите спасённые архивы, работу реставраторов и границы доступа, — предложила Майя. — То, что действительно сделано. Но не выводите Павла как доказанного Круглова.

— После этого у программы может не быть второго шанса.

— У него тоже.

Елена открыла расписание отзыва договоров. Эта таблица не предназначалась для Майи, но теперь скрывать её было бессмысленно. Семь семей передали только цифровые копии и могли потребовать удаления в течение суток. Девять договоров позволяли хранение без публичного доступа. Четыре зависели от ежегодного подтверждения. Остальные были составлены в ранний период, когда лаборатория обещала «восстановление семейного голоса» и ещё не различала интерфейс и личность в рекламных материалах.

— Если скандал выйдет сегодня, — сказала Ракитина, — мы с высокой вероятностью потеряем семь корпусов сразу. Ещё девять уйдут в закрытое хранение. Исследовательский пул придётся остановить целиком, пока не будет проверена каждая цепочка согласия. Двадцать семь спасённых архивов физически останутся, но программа, которая позволяла их принимать, закончится.

— А если скрыть?

— Мы проверим путь Веры и Руднева. Отделим запрещённые источники. Подготовим объяснение до того, как его напишут за нас.

— Можно отделить без отката?

— Ася должна найти способ.

— Она сказала: устойчивую конфигурацию можно убрать только откатом. Всё после точки исчезнет.

— Инженеры говорят «невозможно», пока им не дают срок.

— Павел — не задача оптимизации.

— По закону он именно она.

Майя забрала терминал и открыла форму служебного разногласия.

— Тогда я фиксирую распоряжение прекратить аудит и своё несогласие. Копия уйдёт Неверову как члену комиссии.

Через час Неверов связал бы пул с карточкой Веры, следом узнала бы Софья, а к ночи Григорий объявил бы защиту Павла семейным делом. Трёх суток не осталось бы.

— Подожди.

Майя не нажала отправку.

— Что именно вы предлагаете?

— Трое суток непубличности. Не прекращение внутренней проверки. Ты и Ася работаете с журналом, но не открываете содержание донорских корпусов без согласий. Неверов получает фактическую выписку по своей карточке и подписывает режим аудита. Павел не проходит тесты тождества и не участвует в презентации как Круглов.

— Что будет вместо этого?

— Я перенесу демонстрацию диалога. Покажем реставрацию и читальный павильон в закрытом режиме.

— Причина переноса?

— Проверка происхождения данных.

— Без слова «техническая».

— Почему?

— Потому что проблема не в сбое оборудования.

Елена кивнула.

— Без слова «техническая».

— Павел получит объяснение сейчас.

— Нет. После того как мы установим, какие сведения можно раскрыть без нового нарушения согласий.

— Ему не нужны тексты карточек. Ему нужны ваши решения: вы санкционировали пул, знали агрегат и не сообщили ему.

— Он использует это, чтобы выйти из-под контроля оператора.

— Контроль оператора не включает право скрывать условия сборки.

— Ты не знаешь, что он сделает.

— Именно. Это и отличает его новый опыт от нашей программы.

За стеклом жёлтая линия канала мигнула и стала серой. Резервная ячейка завершила перенос. Елена почувствовала облегчение: по крайней мере, последняя фраза не дошла до Павла.

— Завтра утром, — сказала она. — Ты сообщаешь ему факты о санкции без имён доноров и без доступа к карте. Сегодня он остаётся в изоляции.

— Почему завтра?

— Потому что сегодня Ася должна проверить, не откроет ли сам факт структуру закрытых корпусов.

— До десяти утра. Если к десяти нет обоснованного перечня ограничений, я сообщаю всё, что относится к его сборке и не цитирует чужие документы.

— До полудня.

— До десяти. В полдень начинается репетиция презентации, и молчание снова станет способом провести её по старому плану.

Ракитина посмотрела на расписание. Два часа ничего не меняли для проверки и меняли всё для возможности задержать решение.

— До десяти, — согласилась она.

Майя внесла условия в протокол: семьдесят два часа без публичного раскрытия; аудит продолжается; данные не удаляются и не откатываются; тесты тождества приостановлены; презентация не использует П-18 как подтверждённого Павла Круглова; руководитель предоставляет объяснение субъекту взаимодействия не позднее десяти утра.

— «Субъекту взаимодействия»? — переспросила Елена.

— Регламентный термин для участника, которому система адресует последствия решения.

— Не для цифровой модели.

— Запрета тоже нет.

Елена подписала. Термин был маленькой дверью, которую Майя оставила в документе. Потом через неё попробуют протолкнуть право на объяснение, за ним — право на отказ, дальше — что-нибудь, чего нынешний регламент даже не умел называть. Ракитина могла потребовать заменить два слова на «экземпляру П-18». Но тогда спор занял бы ещё час и показал бы точнее любого признания, чего она боится.

— Версия 6.3 исчезла до или после вашего решения о пуле? — спросила Майя.

— Я не удаляла её. Агрегат открывала по 6.4, об отдельном пакете узнала после запуска. Мой ключ используют два автоматических задания; из людей — только я.

Майя записала предел: Ракитина отрицает удаление, иной человеческий доступ не установлен. Ася проверит задания в рамках продолжающегося аудита.

Когда Майя вышла, Елена осталась перед схемой презентации. В нижнем хранилище работала вентиляция, сохраняя бумагу людей, которые ничего не знали о сорока семи процентах. Елена по-прежнему считала, что закрытие программы погубит больше, чем её компромисс. Но впервые эта арифметика показалась ей не решением, а способом назначить того, кто заплатит.

Она открыла канал резервной ячейки. Линия была серой, звук отключён. В журнале связи стояло событие, которого она не заметила: перед полной изоляцией система две минуты сорок секунд продолжала передавать Павлу служебный звук из комнаты происхождения. Не весь разговор. Только участок от слов «трое суток непубличности» до требования сообщить ему решения о сборке.

Елена вызвала Майю, но та уже шла по переходу в инженерный сектор и не ответила.

В резервной ячейке Павел не мог открыть двери, карты или внешний поиск. Ему оставили один разрешённый канал — запросы на публичные муниципальные услуги, чтобы изоляция не считалась полным отключением. Обычно через него спрашивали расписание читального павильона и доступность музейных экскурсий.

За последние сорок секунд П-18 сделал три запроса.

Первый: условия посещения бывшего санаторного корпуса № 4.

Второй: список организаций, имеющих право проводить экскурсии в аварийных зданиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.